

Ю.С.Лынов

ЗВЕРИ ИЗ ЗАПАДНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

От автора

В очерках в популярной форме приведены сведения по биологии, экологии, этологии сурка Мензбира и белокоготного медведя. Описаны экстремальные и нестандартные ситуации, в которых оказываются полевые работники.

Я посчитал правильным и более привлекательным изложение материала (пусть он считается популярным!) в хронологическом порядке, в виде дневника.

Фото предоставлены сотрудниками Чаткальского биосферного заповедника А.В. Есиповым и Д.Е. Головцовым

Как дополнительный материал, а также для подтверждения некоторых наблюдений, в которых автор сомневался, использованы публикации («из отчёта», «по рассказам», «по наблюдениям», «из печати, из печатных работ», «из научных исследований»): В.И.Машкин, А.Л.Батулин. Сурок Мензбира. Киров, 1994 и публикации Ю.А.Грачёва, В.А. Жирякова, М.Г. и О.В. Митропольских.

Местные географические наименования

Курум (корум) – каменистая осыпь. Иногда включает крупные глыбы.

Конгай (кунгей) – склон южной экспозиции.

Сай (лощина) – понижение, имеющее временный или постоянный сток.

Тескай (терскей) – склон северной экспозиции.

Наедине с сурками

26 марта

Травка, которую могут щипать наши лошади, едва просматривается на освещенных склонах на высоте 2100 м. Здесь мы с лаборантом Джаныбеком и разбили временный лагерь: палатка, очаг и навес над ним. Привязали лошадей на длинный аркан, наломали немного сушняку и спрятали его в палатке от накрапывающего временами дождя. Сами пошли вверх, к заложенной в прошлые годы пробной площадке.

Сурки заселили верхнюю часть долины. Нижний предел их поселений приходился на отметку 2200-2300 м. В прошлые десятилетия сурки спускались до 2100 м, о чём говорят редкие заброшенные норы и бутаны.

Речка скрыта под снежным покровом: одна лавина соединяется своим языком с другой. Лишь кое-где через снежный настил пробиваются неясные звуки – это бурлит

река. А над обширными снежными полями господствует мёртвая тишина. Изредка шумно проседает подтаявшая снизу толща снега или скатится камешек, оторвавшийся от скалы.

На пробной площадке (высота 2500 м) сурки вышли из всех зимовочных нор. От лазов-отверстий ведут тропы, замызганные грязью, ко всем обнажениям: курумам, проталинам. У сурков “семейные” собрания: 2-3 взрослых зверька (годовики пока не вышли) сидят на камнях. В пределах видимости от этой группы на камнях устроилась другая семья. Сидят, ничем не заняты, как будто не могут освободиться от зимнего сна. Некоторые

дрожат – слишком сильно прозябли.

Набежавшая туча, имеющая вид тумана, хлопьями влаги заляпала объективы биноклей – работать невозможно. Направились вниз, к палатке.

Ниже пробной площадки количество проталин увеличилось, кое-где склоны (но не днище долины) почти целиком освободились от снега. Заунывный крик сурка, сильно отличающийся от обычных, тревожных криков, исходил от крупноглыбистого курума. Ниже курума на обнаженном склоне сквозь пелену тумана просматривалось два бутана у давно заброшенных сурчиных нор. На камне сидел крупный, по-видимому, взрослый сурок.

Я приостановился, наблюдая. Вот грызун рысцой направился к верхнему бутану, несколько раз прикладывался – обнюхивал вход в нору, попутно поставил метки заглазничной железой, то есть потёрся соответствующим местом о валявшиеся у входа камешки, погрузился наполовину в нору, вылез из неё.

Взрослый сурок, несомненно, мигрант, так как до ближайшей колонии метров триста-триста пятьдесят. Возможно, по его следам придет другой взрослый сурок, и они образуют семейную пару. В прошлом сурок – мигрант попался на глаза человеку в пяти километрах от ближайшей жилой норы. Кстати, несмотря на интенсивное расселение сурков – взрослых и молодых, типичные, подходящие уголья для сурка в заповеднике далеки от полного освоения и заполнения, а общая численность зверьков растёт слабо.

28 марта, 2500 м над ур. м.

День выдался солнечный, ветреный. Взрослые сурки активно метят территорию семьи, особенно по границам. Со стороны наложение меток выглядит как кормление: идёт зверек, попадает на пути камень, он к нему прикладывается щекой, точнее, заглазничной железой, затем выкапывает и съедает луковицу безвременника, а в образовавшейся ямке – покопке оставляет метку уголком рта. Границей участка сурки считают пока кромку тающего снега, которая с каждым днём отодвигается. Члены соседней семьи эту границу не считают чем-то незыблемым и ставят свои метки “за

спиной“ соседей. Пока что соседи терпимо относятся друг к другу, хотя встреч избегают, скандалов за территорию не устраивают, кормятся попеременно на смежном участке.

1 апреля

День теплый, но с полудня набежали облака, окутал туман. Три часа наблюдений. Сурки бегают по снегу к дальним проталинам. Границы участков не соблюдаются. Зверьки довольны жизнью (хвосты задраны “трубой”), хотя кормиться, кроме корешков, нечем.

На обширной проталине, кое-где заваленной камнями, сидят группой сурки. Поодаль - другая группа, вероятно, из соседней семьи. В одной семье появились годовики, до этого отсиживающиеся в норе. Сурки из обеих групп сближаться не намерены: приглядываются друг к другу, временами покрикивают без всякой тревоги. Несколько раз взрослый сурок устраивал ложную садку (без движения тазом) на молодом, по-видимому, двухлетке (“чего не сотворишь от безделья?!”). В норы зверьки ушли при похолодании.

12 апреля

Снег сошёл и на склонах северной экспозиции (на тесках). Но из-за холодного влияния снег задержался у закраин остатков лавин. Сами же остатки стают, превратятся в воду только к середине лета.

Сурки на площадке много кормятся, причем взрослые гораздо активнее годовиков. Растения едва отросли от поверхности земли, а некоторые еще не взошли

На бутане небрежно брошены пучки старой выстилки, вынесенной из норы. В нору пока ничего не заносится: вероятно, сурки не считают прошлогоднюю траву - старику качественной.

В бинокль я старался отметить места кормёжек с тем, чтобы потом вблизи опознать обкусанные и выкопанные растения. Стал накрывать дождь - пора прекращать наблюдения. Я встал в скрадке в полный рост - сурков как ветром сдуло. Вероятно, они чувствовали моё присутствие, хотя и в отдалении – в сорока метрах, поэтому не задерживались на бутанах для выяснения “что и почему?” и сразу скрывались в норах.

Стараясь прикрыть записную книжку от дождя, стал присматриваться к покопкам и скусам. К “подснежникам”, их луковицам, поедаемым в первые дни по выходе из нор, добавились корешки и луковичы кузинии, злаков, луков, песчанки, остролодочника. Их покопки и несъеденные остатки встречаются на участке повсюду. Но основная доля питания приходится на листья. Листочки, пока не зрелые, сформировались к этому времени почти у всех трав, встречающихся на площадке. Предпочтение сурки отдают бузульникам, аazineуме, мытнику, тарану, лаготису, линделофии, лютикам, мятликам, подмаренникам, еже, ревеню, родиоле, феруле, ясколкам. Создается впечатление, что грызуны поедают все травы, растущие вблизи их гнездовой норы. Тем более удивительно, что в пищу идут растения, признанные губительными для всего живого. Прошлогоднюю ветошь грызуны “пробуют” изредка.

15 апреля, 3000 м над ур. м.

В середине апреля чтобы добраться до поселения сурков в альпийском поясе – а это высотный уровень 3000 м, - нужно приложить немалые физические усилия.

Лошади оставлены на месте ночёвки – там, где появились первые проростки травы. Что дикие, что домашние животные предпочитают появившуюся зелень прошлогодней ветоши, тем более, что высохшие осенние травы, прижатые зимой снежными залежами, после стаивания снега выглядят неаппетитными да и с пониженной калорийностью. В дополнение к зелени, лошадям положена ежедневная порция ячменя.

В утренние часы снег на затененных склонах ещё обладает крепостью наста, но ближе к полудню от наста остаются воспоминания. Ставишь ногу, переносишь на нее тяжесть тела – ухнешь на полметра к земной тверди. Новый шаг-новое испытание. Барахтание в снежной каше надоедает, утомляет, приходят мысли о джапаках – снегоступах (“ах, почему мы их не привезли?!”), хотя, понятно, и они ходовиты не на всяком снегу.

Выбравшись на относительно плоское место, стали осматриваться в поисках пробной площади, заложенной в прошлом году. Помнится, после закладки на ней закартировали четыре семьи. По расположению скал, полукругом охватывающих пробу (так изображено на абрисе), определили местонахождение “своих” сурков.

Пока что звери пробили в снегу два лаза. У третьего бутана снег нарушен, но лаз засыпан снегом вновь, и грязные следы вокруг отверстия не просматривались. “Что, ушли досыпать?” Четвёртая нора не вскрывалась; возникли “вопросы”: “Может, погибли в зимовку?”

Мы стояли на снегу в пятидесяти метрах от пробной площади. Из норы вылез взрослый сурок (нас не заметил), хвост “трубой”, прорысил к ближайшему куруму. Посидел на камне, осмотрелся и только тогда поднял тревогу: крики, резкие и короткие, разнеслись по заснеженному плато.

Мы ушли в дальний конец поселения. Из-за камня я выглянул. В двадцати метрах взрослые сурки устроили “собрание”. Питаться зверькам нечем, травы, даже ветоши, нет, всё пока скрыто под снежным покровом. Затеяли игру: то столбиком в обнимку, то наваливание на лежащего партнера. В одной паре сурков отмечена садка. Игровая эта ситуация была или “продуктивная” – трудно судить. Часто ложная садка – это закрепление доминирования верхнего сурка, причём пол у зверьков в паре может быть одинаковым. (Из отчёта: «Сопоставляя сроки выхода взрослых сурков из спячки и сеголетков из выводковой норы, а также, принимая во внимание оптимальную продолжительность беременности, следует полагать, что часть самок оплодотворена ещё в норе, непосредственно после спячки»). Другие зверьки ещё не оправились от спячки и от ненормальной атмосферы в норе. У двух зверьков наблюдалось непрерывное дрожание тела или отдельных органов. В десяти метрах от снежного лаза на снегу расплылось красное пятно. Видимо, беркут заporол когтями сурка, за зиму потерявшего осторожность, добил клювом и унёс на сухие камни курума. Наполз туман, а с ним пронизывающий холод и мелкий дождь. Пора вниз к спасительной палатке.

19 апреля, 2500 м над ур. м.

На оголённых от снега склонах цветут подснежники. К этой большой экологической группе относятся крокусы, гусиные луки, безвременники, леонтица. Их редкие цветки чётко выделяются на уплотнённом покрове прошлогодней травы – старики. Нагнетанию тепла растениям способствуют “экраны”: под скалой на клочке мелкозёма укрепился тюльпан, рядом, из-под камня торчит ложноочиток. Здесь же ютятся в состоянии бутонов (вот-вот зацветут) хохлатка, юнона и пролеска. На подъезде к пробной площадке мы пересекли небольшое плато с белыми обнажениями от известняка. Если известняк преобладает в грунтах, то создаются дискомфортные условия для травянистых растений. Может, это является причиной редкости, невысокой плотности колоний сурка. Зато для суслика, по всему видно, здесь раздолье – он многочисленен. Вот один из них затеял форменную драчку с каменкой – плясуньей. Птичка пикирует, того и гляди, пустит в ход клюв, зверёк зубами и передними лапами старается зацепить незваного порхающего гостя. Сыр-бор разгорелся для птички (редкий случай!) из-за жилья; нора - это гнездо. Для суслика нужен добрый десяток нор, где он выводит потомство, прячется летом от врагов, а зимой – от стужи, переживает летнюю засуху, отдыхает, общается с себе подобными. Норы суслик делает большей частью мелкими, и складывается впечатление, что этому зверьку лень копать. Отчасти из-за этого, а также из-за любопытства, неосмотрительности, отсутствия коллективизма, страсти к путешествиям суслику от хищников: медведя, лисицы, волка – сплошные беды. В колониях сурка суслик проживает беспрепятственно, делит с ним и корм и кров, но если суслик “попадает под горячую руку”, то сурок в агрессивном порыве может уничтожить своего “младшего брата”. Хотя при определенных обстоятельствах сурки и между собой (между членами разных семей) устраивают драки, и не только до “первой крови”.

Наблюдения 2 часа.

Сурки, взрослые и молодые, кормятся, разрывая луковицы безвременника, гусиных луков. Луковицы, конечно, по объёму мелкие, но плотность питательных веществ в них высокая, что позволяет поддерживать жизненный тонус ранней весной. Как у всех зимоспящих зверей, у сурков в организме сохраняется запас, заложенный в предыдущий год – у кого большой, у истощенных особей – близкий к нулю. Запасы позволяют суркам поддерживать существование в малокормный весенний период, наряду с “текущим” кормом – луковичками. Кроме того, взрослые животные (согласно отчёту – до двух третей) участвуют в воспроизводстве, а это связано с дополнительными тратами жировых запасов и энергии.

Один взрослый сурок несколько раз выносил из норы клочья подстилки, но взамен ничего не заносил.

Заунывный крик донёсся с соседнего крупноглыбистого курума. В бинокль разглядел: годовик сидел на камне и непрерывно верещал. Крик продолжался около десяти минут. Зверьку никто не угрожал из потенциальных сурков – противников: кто-то копал луковицы, кто-то метил участок. Да и сам верещалка - сурок не собирался куда-то уходить. (Из отчёта: “Самки- мигрантки по 10-17 минут заунывно кричат. Длительный крик мигранта невозможно спутать с другими сигналами – резкими и короткими”).

24 апреля

Травостой покрыл солнцепечные склоны, разросся у палатки, поставленной для ночлега (мы перекочевали поближе к нижней пробной площадке).

Приземистые костры и кострецы, мятлики, полевички, эгилопсы, лентоостники, как и все злаки, имеют малозаметные, без венчика цветки. Некоторые из злаков прибегают к помощи самоопыления, то есть не раскрывают цветочных чешуй. Представители других семейств цветут ярко. Из первоцветов бросаются в глаза цветущие ферулы, лютики; доцветают безвременники, леонтицы, пролески, хохлатки.

Сурки, взрослые и молодые, активно кормятся. Основа питания – листочки и стебельки трав. Взрослые сурки копают землю только для постановки меток уголками рта в ямках - покопках.

Пронаблюдав полтора часа, я решил разобраться в норах. Резко встал в замаскированной засидке – сурки всполошились: одни тревожно кричали, другие устремились к норам, даже не разобравшись в характере тревоги. “Кто-то бежит, значит, и нам надо!”

В центральной семье сурки три недели назад переместились в летнюю нору за пятнадцать метров от зимовочной норы. Для зимовки нора должна быть глубокой, значит, выбросы земли, бутан, как правило, мощные. Только при устройстве норы под скалой земля не выносится наружу, а растаскивается по пустотам. Мощной должна быть и снежная “подушка”: все для сохранения тепла в долгую зиму. Для летней норы, главное – сухость грунта. Нора не должна заливаться водой в затяжные весенние дожди. Не менее желательно сохранение в норе прохлады летом.

Вокруг одного лаза – отверстия летней норы сооружен валик из мягкого грунта – всё та же предосторожность против дождевой влаги. Ясно, что с приходом сеголетков из выводковой норы, – а это одна из разновидностей летней норы – валик разобьют в пух и прах. Но что поделаешь: дети есть дети!

Как в зимовочное, так и в летнее убежища ведут несколько лазов – входных отверстий. В постоянной семейной норе я насчитал восемь (бывает до двух десятков отверстий). Как установлено, норы – это вентиляционные продушины, хотя в зимовочных норах непосредственно перед уходом в спячку суркам приходится их забивать земляными пробками.

Между бутанами тут и там обнаруживаются одиночные лазы – отверстия. В некоторых из них видно дно – глубина до полуметра. Это, так называемые, защитно-кормовые норы. В них сурки отдыхают, скрываются при внезапной опасности. В них же первое время держатся пришлые чужаки: и семья, избранная в качестве желанной, под боком, и гонений от членов семьи на первых порах меньше.

В центре колоний земля из-за многочисленных нор похожа на выдержанный сыр. Сейчас, в конце апреля, травостой низкий; в середине лета при развитом травяном покрове ходить по участку опасно – можно и ногу вывихнуть, угодив в нору.

Сурки – любители порыться в земле, были бы крепкие ноги, зубы и когти. Как видно, убежища они готовят с запасом. В их убежищах закрепляются, ведут семейную жизнь суслики и звери гораздо крупнее: лисицы, иногда волки.

Чем дальше от центра семейного участка, тем меньше нор. Моё внимание привлекло обнажение за пределами пробной площадки. Это, оказывается, работа

медведя. Может год, а может два сезона назад, медведь заинтересовался юркими зверьками и решил поохотиться. Не тут-то было: сурок, за которым кинулся хищник, из-под его носа сиганул в нору, уселся где-то в трёх-четырёх метрах от входа и принялся “пугать” неведомого зверя, издавая трубные крики. Столь близкая добыча привлекла медведя: он с яростью принялся разрывать входное отверстие. Сурок прекратил отпугивать и ускользнул в глубину, посчитав, что “шутки плохи”. “Добычка” стали одолевать сомнения в целесообразности тяжелой работы, так как на пути встретились булыжники до полуметра в поперечнике. В конце концов, медведь прекратил копательные упражнения, и на всеобщее обозрение осталась яма размером 2 на 1,5 м, а также своего рода основание для причисления медведя к врагам сурка.

3 мая, 3000 м над ур. м.

Время в пути от нижней площадки (там стоит палатка) до верхней существенно сократилось: конь несёт седока по старой тропе, лишь кое-где нужно выбирать на остатки лавины да проваливаться на снежных надувах (этого не избежишь!). На высотном уровне 2500 м доцветают безвременники, леонтицы, хохлатки, гусиные луки, в полном разгаре цветения тюльпанов. Вдоль тропы вытянулась куртина жимолости: наклёвываются листья - показались кончики. Покраснели ветви боярышника, у кизильников набухли почки.

В полукилометре от нас, на гребне показалась группа горных козлов, матки с козлятами. Сеголетки по величине сильно отличаются от прошлогодков – уменьшенная копия. Копытные нас, конечно, разглядели, но не спешили убегать: весной все звери менее пугливы. Тем не менее, сурки всегда настороже, и обо всех движущихся и летящих существах предупреждают резким, коротким криком остальных сурков, связанных информационным полем.

На верхней пробной площадке сурки: взрослые и годовики – деятельно занимались текущими “работами” на поверхности. Взрослому сурку приглянулась небольшая полянка. Он когтями и зубами извлекал луковицы, тут же грыз корни остролодочника. Площадка оголялась на глазах, и за полтора часа обнажилась земля в один квадратный метр. Другой взрослый грызун, уделив кормёжке самое малое время, отвлёкся на мечение маршрута, который совпадал (по его мнению) с границей участка его семьи. Зверёк тёрся уголком рта и прикладывался щёкой – заглазничной железой - на всех выступающих из земли камнях, тщательно обнюхивал старые экскременты и мочевые точки, тут же добавлял “свое” (в мыслях мелькнуло, что жеребец и кобель в такой же ситуации действуют сходно), часто-часто делал сантиметровые покопки и даже прокатился брюхом на обнажении грунта. На участке соседней семьи объявился “хозяин”. Он внимательно присмотрелся к действиям соседа. Реакция того оказалась незамедлительной: хвост заложил на спине, повернулся боком, боком же сделал несколько шагов на косялапо изогнутых ногах (“знай наших!”). Сосед тоже захотел продемонстрировать кое-что из своего арсенала угроз, но раздумал, развернулся и убежал.

12 мая, 2500 м над ур. м.

Снег на лавинных отложениях усиленно тает, размягчился. Ходить трудно – нога скользит. В речке большая вода – можно судить по её бурлению в открытых местах между снежными остатками лавин.

При подходе к пробной площадке налетел волной туман. К счастью, пелена тумана поднялась на сотню метров вверх, а потом показалось солнце. Солнце не закрывалось облаками несколько часов.

В небе парит пара черных грифов. Пролетел беркут, равномерно взмахивая своими громоздкими крыльями. Один из кекликов старательно выводил руладу, значит, на конгае где-то рядом с певцом на яйцекладке сидит партнёр. Но вот что-то новое: по бережку скачет, попискивая, трясогузка. Чуть поодаль крутятся коньки.

Наблюдения в течение полутора часов. Кормёжка зверьков. Взаимные обследования при встречах. Взрослый сурок – сочетает кормёжку с отдыхом и мечением участка.

На территории появился пришлый, не из соседней семьи, чужак. На удивление, он оказался не испуганным, и сам затеял противостояние. Ритуал встречи с обеих сторон: высокая боковая стойка, косолапая походка, взъерошенный мех, хвост прижат к спине. Хозяин решил проучить наглеца, показать, кто здесь командует, кто доминант. Он приблизился к незнакомцу и сделал на него садку. (Из отчёта: «Сочетание полового поведения с элементами враждебности отмечено в контактах незнакомых самцов при конфликтах»).

20 мая

Вода в речке стала прозрачной, хотя и не убавилась – по-прежнему бурлит. Весна в разгаре. Дуют тёплые ветры, временами льёт дождь, он съедает снег лавинных остатков. Поверхность снежных залежей день ото дня становится грязнее – вытаивают комья грязи, камни, кусты с корнями. Солнце даже в ясный день пропускает свои лучи сквозь пелену водного пара – рассеянный свет создаёт эффект парника. Пылит арча, цветёт жимолость. Наблюдения два часа до начала дождя.

Кормёжка почти всего поголовья семьи. Возможно, и самка, обитающая в выводковой норе, тоже выходила кормиться.

Из зимней норы на бутан полетели копыя земли, камешки, пыль – мелкозём. Продолжалось это с перерывами минут пятнадцать. Сколько “работников” – один или два занимались рытьём, подчищали или расширяли ход или углубляли один из отнорков – подземная жизнь не видна постороннему глазу.

Наблюдалось внесение подстилки – сухих стеблей (возможно, ветоши) взрослыми сурками и годовиками. За сорок минут отмечено двенадцать “возов”. Ещё один взрослый сурок попытался принести пучок сухой травы, но, не донеся двух метров до бутана, бросил пучок и переключился на кормление.

26 мая, 2800 м над ур. м.

Учеты численности крупных позвоночных животных, в том числе сурков. При распределении участков мне с лаборантом выпало проработать плато Пулатхан. «Пулатхан – совершенно плоское место! Как такое может быть в горах?» - удивляются

люди. Это вызывает даже мистические настроения, большинство людей во всем видят да и хотят иметь тайну, и Пулатхан обрастает легендами и мифами. Эффект плоскости создается ограничивающими плато пропастями и скалами. Сам Пулатхан изрезан мелкими саями, круто наклонен в одну сторону. За миллионы лет после сильнейшего катаклизма приграничные скалы-рухляки разрушились, смылись водой, осыпались, испарились. А его величество Пулатхан так и торчит. Видимо, сверхпрочные породы участвовали в его образовании. И на камни не присядешь – колючие: такова их твердость, не поддающаяся миллионлетнему воздействию.

По единственной тропке мы взошли на плато с соседнего увала. Скалы, камни, щебень, песок. Лишь в уплощенных саях, где смыв не чувствителен, накопился тонкий слой мелкозёма. Его происхождение, как считают, из атмосферы - лёссовая пыль занесена воздушными течениями. Мало мелкозёма, следовательно, нет сформировавшейся почвы, редка трава, низкорослы кустики.

Прокричал сурок, тут же скрылся в норе. Мы обратили внимание, что бутаны почти не выражены. Редкое («хуторское») расселение - колонии также не выражены. Получасовым наблюдением выяснено, что семья молодая: на поверхности показались всего три зверька, годовиков не было. Дополнительных отверстий – лазов в выводковые, защитно-кормовые норы не просматривалось. Значит, и выводка в текущем году не организовано.

Мы приблизились к краю плато. Под обрывом, ниже в десяти-двадцати метрах торчали скалы, у подножья загроможденные крупными и мелкими камнями. Из-под рухляка понеслись резкие крики: такая шумная тревога возникает в больших семьях. Сдвинулись по краю обрыва на шестьдесят-семьдесят метров – такая же картина («шумим, братцы, шумим!») обилия зверьков. Из этого можно заключить, что сурки на самом плато – временные жители. Маломощный мелкозём – неглубокая нора, а в такой норе сурки в морозную зиму начисто вымерзают. В следующий теплый сезон или через год с небольшим нижние колонии выделяют новую порцию «землепроходцев», и цикл повторяется. Животным, в отличие от человека, не присуща способность к прогнозированию и планированию, а это в сложившихся условиях на плато Пулатхан приводит к бесцельному расходованию ресурса.

2 июня, 2500 м над ур. м.

Травостой вырос выше грызунов, даже если они становятся «столбиком» при кормлении или обозрении местности. Высота зонтичных растений в пойме речки доходит до полутора метров.

Манера кормежки сурков несколько изменилась по сравнению с ранневесенней. Зверек встает «столбиком», пригибает прямостоящее растение и срывает лист или надкусывает стебель. К другому объекту зверек добирается на четырех конечностях либо приближается «столбиком». Осмотр в целях безопасности сурок предпочитает делать, взбираясь на выдающийся камень. Затем вновь приступает к кормежке. Нередко после нескольких приемов: осмотр-кормежка – зверёк, не удаляясь, ложится отдыхать.

При встрече на кормежке сурки из одной семьи обследуют друг друга, обнюхивая в первую очередь уголки рта, заглазничную железу, а также анальное отверстие. На выдающихся объектах ставятся метки, тут и там роются неглубокие поковки, имеющие характер меток. Метки учащаются на границе семейного участка, причем границы устанавливаются произвольно, иногда возможны перекрытия, но встречи на границе между сурками-соседями заканчиваются мирно: если кто-то не сделал попытки обследования, то зверьки разбегаются.

Набежали тучи, внезапно разразилась гроза с сильным, но коротким ливнем. Почти все сурки, бывшие на поверхности, продолжили кормежку и не делали попыток избежать секущих струй дождя. Дождик был, конечно, теплый, несравнимый с промозглой, всепроникающей весенней моросью.

7 июня

Нежданный и неожиданный снегопад начался с утра. Было довольно тепло, по небу громоздились рваные, с чернотой тучи – в июне в высокогорье такая погода чуть ли не каждый день.

Мы позавтракали и собрались на верхнюю площадку, на 3000 м. Заседлались. Неожиданно в воздухе полетели снежинки. «Пройдет! – решили. – Переждем». Занялись неотложными делами, которых на таборе всегда хватает. Похолодало, сгустились тучи, снежинки полетели гуще. Коней под попонами привязали на длинный аркан – паситесь! Но они восприняли это без благодарности, стояли понурые. Сами залезли в палатку, спрятав туда же все необходимое.

В считанные минуты снегопад усилился до непроглядности, завалил курумы, заросли борщевика, гераневые луга, сузил мелкие ручьи, вода в которых почернела.

Полевики в непогоду время не теряют – отсыпаются, иногда даже авансом. Лишь в полдень снегопад прекратился. Мы выползли из палатки, занялись приготовлением пищи. Лошади по-прежнему стояли понурые – отвыкли от снега.

8 июня, 3000 м над ур. м.

Солнце слепит своими лучами, отраженными от снега, хотя прохладно. С трудом добрались до верхней площадки. Хотелось разобраться, насколько сурки активны в непогоду. И напрасно: на площадке – ни следочка. Только лисица ночью пробежалась вдоль сая. Я скользнул биноклем по ближайшим склонам и скалам. Картина та же: ни козлиных набродов, ни следов медведя. Даже птицы редки: стайка рогатых жаворонков, у речки пискнула горная овсянка.

Сурки отлеживались в норах.

13 июня

Наконец-то вышли из выводковой норы сурчата-сеголетки. В одной семье их было три, в другой – всего один. (Из отчета: «Численность выводка по плацентарным пятнам составляет 3,9, но на поверхности появляются 2,4 сурчонка. Доля самок, участвующих в размножении, 50-72%, но выводки отмечены только в 40% семей»).

Сурчата визуально сильно отличаются от взрослых и не только размерами. В окраске преобладает желтовато-серый тон, только последняя треть хвоста, точнее, его верх, черный. Голова и лапы несоразмерно велики, но это характерно для новорожденных. Главные отличия в поведении: движения малышей некоординированны, а проще сказать бестолковы. В пище сурчата неразборчивы: вот один сурчонок принялся лизать камень, потом переключился на мелкозём (в бинокль было видно, как он грыз землю на небольшой промоине). Внимание другого сеголетка привлек засохший помёт взрослых родственников. Дети, неумеючи, откусывают зеленые листочки у трав. Главное для них, это сосание молока. Но сурчиха - мать лишь на короткое время (10-15 сек.) подпускает детеныша к соскам.

Молодые при крике взрослых (сами они начинают кричать позже) скрываются в норе. Вот один из сурчат зазевался, и его взрослый родственник рывком головы подтолкнул глупенького в нору. Но малыш тут же выскочил наружу и с любопытством обозревал чудный мир, поразивший его новизной.

Один из взрослых сурков, пока мы были на виду (привязывали лошадей, спешили к засидке), истошно кричал, сидя на бутане. Минут через десять зверек охрип, но продолжал издавать звуки. По-видимому, с таким ущербом закончились переживания матери.

Довольно крупная стая клушиц и альпийских галок на снежном завале от лавины. Снизу подкочевал кабан – кормится на склоне. Один, значит, секач.

15 июня

В первые дни жизни на поверхности сеголетки активно контактируют с взрослыми. Знакомство начинается с обнюхивания и обследования мест расположения желез и всего тела. Самый живой интерес сеголетки проявляют к меткам, пометам, то есть следам деятельности взрослых. Иногда какой-либо сеголенок пытается вовлечь взрослого в игру: подбегает и резко встает перед ним на задние лапы. Взрослый снисходителен: отодвигает молодого лапой, если он стоит на пути. Либо уклоняется от игры – ему пришло время подновить пограничные метки.

В другой семье два годовика зажали сеголетка, навалились на него, занялись чисткой, прикусывая зубами и убирая ртом все лишнее (по их мнению) с туловища «подопытного» сеголетка. Попытки последнего вырваться пресекались: вероятно, как и у обезьян, чистка партнера доставляет определенное удовольствие чистящим особям.

16 июня, 2500 м над ур. м.

До полудня дождь. Сидим в палатке. На скале крутится у гнезда чекан. Пролетел синий каменный дрозд.

18 июня, 3000 м над ур. м.

Погода ясная, день теплый.

К площадке, точнее к засидке, подошли к 11 часам. В пути задержались, разбираясь в следах медведя, которые обнаружили на мягком грунте тропы. Крупные следы – крупный зверь. По следам можно представить, что хищник держал курс в высокогорье, но временами отвлекался на кормежку: то выдерет стебель тарана, то сломает верхушку борщевика. Речушку, воды в которой поубавилось, он одолел броском – не то бродил, не то переплыл. Мокрая земля у брода и примятая трава на местах кормежки указывали, что зверь прошел всего лишь несколько часов назад. В одном месте мишка занялся земляными работами. Обрывки сочных листьев, перемешанные с мелкощебенистым грунтом, утверждали в мысли, что порою имели своей целью добычу корня ревеня, который обычно идет на глубину полтора-два метра. Силушки зверю не занимать – яма удалась на славу.

Темная масса – помёт медведя внушительных размеров – подтверждала, что хищник питался одной травой. При его коротком кишечнике, как у всякого хищника, это сколько же надо поглотить малокалорийного корма, чтобы насытиться?!

Сверху из скал к поселению сурков вышла лисица; мы в засидке. Её, конечно, заинтересовали появившиеся из нор сеголетки. Из-за большого камня хищник чуть ли не ползком подобрался к небольшому гребню.

Два сурчонка надоедали своей мамаше, то и дело прикладываясь к соскам. Она отпихнула их, отошла на несколько метров. И тут заметила подкрадывающегося хищника. Крик всколыхнул всю долину от края до края: охота не удалась, и лисица небрежно затрусила прочь.

Наблюдение полтора часа.

Наряду с кормлением, сурчата-сеголетки активно обследуют членов семьи. Впрочем, при встречах на участке и взрослые не преминут обнюхать друг друга: «Свой или чужой?»

У сурчат развиты железы в углах рта – их чаще всего и обнюхивают взрослые при контактах. Сеголетки обследуют взрослых по всему туловищу. Обследование занимает до трёх минут, но взрослый терпеливо выносит пытку, – возможно, это доставляет ему удовольствие.

22 июня, 2500 м над ур. м.

На склоне южной экспозиции колония из нескольких семей хорошо просматривается, так как трава и кустарники здесь относительно низкорослы. В утренние часы в расположении одной семьи появился некрупный сурок, по-видимому, годовик.

По поведению это, несомненно, чужак: вел себя осторожно, с хозяевами не контактировал – стремительно убегал, обнюхивал все возможные маркировочные точки.

На отдых он ушел в небольшой курум под скалой.

23 июня

Чужак кормится на участке семьи, но максимально осторожен и осмотрителен. С взрослыми сурками, по-видимому, самцами, не контактирует. Но вот взрослый зверек-хозяин приблизился к нему (хвост вверх, «трубой»). После непродолжительного обнюхивания хозяин и чужак встали в стойку, лапами хозяин притянул голову чужака к своим гениталиям, тот не вырывался. (Из отчета: «Со стороны самки бывают подставления в форме принуждения к своим гениталиям для обследования и обнюхивания чужакам. По отношению к членам семьи это исключено»).

25 июня

Чужак, по-видимому, освоился. К взрослым суркам он сам не подходит, но сурчат – годовиков и сеголетков – активно обнюхивает, трется уголками рта и заглазничной железой. Те к нему относятся дружелюбно, хотя и выделяют, как чужака.

Вот над колонией барражирует беркут, тень от него стремительно движется по земле. Грызуны устремились в одну нору, включая чужака. Обогатившись «семейным» запахом при общении с сурками-хозяевами, а также в норе, чужак, надо полагать, стал полноправным членом семьи.

Пришло время определить численность сурков в семьях. Раньше отсутствовали сеголетки, сумятицу в числа вносили мигранты. Конец июня – время стабильности и максимальной численности в сурчиных семьях. «Земляные работы» к этому времени почему-то прекратились: возможно, у сурков в это время отдых перед интенсивными «ремонтными» работами, которые обычны перед залеганием в спячку.

Сурки постоянно передвигаются по участку, снуют туда-сюда, в норы, отдыхают, иногда в укромных местах. Подсчет, идентификация, таким образом, затруднены. Вдвоем с лаборантом подсчет численности в четырех семьях мы произвели чуть ли не за полдня. Отличия в семьях существенные: 4, 5, 7, 9. (Из отчета, примерно на эти же сроки: «Численность семьи 6,2, 1,8, включает взрослых доминантов, сеголетков и прочих 1-7-летних особей»).

27 июня, 3000 м над ур. м.

Смотрите, лисица отдыхает! – внимание лаборанта привлекло что-то впереди. Мы продвигались на лошадях к геоботанической пробной площадке, заложенной у предела

распространения растительности. Тропа вела через сурчиные поселения. Я посмотрел в направлении, указанном лаборантом, прибегнув к помощи бинокля.

Да она же в засаде! – Только я произнес эти слова, как зверь напрягнулся и на полусогнутых ногах кинулся за камень. Оттуда выскочил взрослый сурок. Он не испугался – ничуть не бывало! Грызун возвысился на четырех ногах с явным намерением дать отпор хищнику. Даже в бинокль было видно, как лисица затормозила всеми своими лапами и, не медля, прыгнула вбок. Сурок, конечно, поднял крик не то победный, не то тревожный. Во всяком случае, все находившиеся поблизости сурки – взрослые и молодые – насторожились. Лисица нехотя покинула колонию сурков: «Не очень-то и хотелось!»

На обнаженном склоне кормится пара альпийских жаворонков.

29 июня

Учеты численности сурков на верхней площадке. Результаты: 3, 4, 6, 7. Как видим, семьи в альпийском поясе малочисленнее, чем в субальпике. Меньше здесь и молодежи. Вероятно, сурки на своем верхнем пределе склонны к миграции, к перемене мест, может, из-за суровых условий или же из-за незаселенности территории и наличия подходящих мест.

Наблюдения в процессе учетов численности. Активность взрослых и молодых в альпийском поясе по-прежнему высокая. Кормежка с перерывами на осмотр-огляживание перемежается мечением на участке: потиранием железами, уринацией, дефекацией. Затем столь же продолжительный отдых в одиночку или скучиванием. При скучивании возникает необходимость в обследовании и чистке родственников-партнеров – эти действия выполняются с явным удовольствием. Жизнь разнообразится убеганием в норы от опасности и контакта с чужаками, которые иногда приходят в стрессовой обстановке.

Пробная площадь совпала в своих границах с площадкой по динамике растительности. Если быть точным, на пробной площади «по сурку», существовавшей несколько поколений сурковедов-мармотологов, ботаники, в свою очередь, отмерили и на углах отметили металлическими стержнями прямоугольник, присвоив ему громкое имя «Площадь выявления растительного сообщества». А сообщество – альпийский горцовый луг.

Интересно проследить, как меняются за ряд лет показатели – характеристики растительного покрова, выяснить причины этих изменений, в частности, влияние сурков, отчуждающих растительную массу для питания, для формирования подстилки, а также через внесение фекалий и мочи в качестве удобрения.

После наблюдений за сурками я занялся обследованием растительности. Сурки не отвлекали: ближние сидели по норам, дальние поначалу тревожно кричали, затем молчком кормились.

Бросаю кольцо из упругой проволоки на метр от себя – этим действием соблюдается и преследуется элемент случайности. Описываются растения внутри кольца: вид растения, проективное покрытие, относительная площадь и некоторые другие характеристики. И так сорок-шестьдесят бросков по всей пробной площадке. Сравнение с результатами за прошлый год (а лучше – десять лет назад) обработки полевых данных дает картину устойчивых изменений или, наоборот, стабильность характеристик.

Как и в прошедшие годы, я свое обследование приурочил к максимуму развития, то есть в пору массового цветения растений. В альпийском поясе, где продолжительность теплого периода три-четыре месяца, все травы цветут – начинают и заканчивают – почти одновременно.

Исполнив половину задания, которое я себе назначил, исходя из характера растительности, я без всякого анализ – простым сравнением - пришел к выводу, что существенных изменений за год не произошло. Видовой состав включает 24 растения – столько же отмечалось и десять лет, и двадцать лет назад. Доминируют десятилетиями два вида горца, им «помогают» низкорослая лапчатка, типчак, герань, лаготис (у последнего снижается доля в растительности). Участие остальных 15-18 видов растений мизерное. Статистические выкладки, применение математической обработки лишь подтвердило эти выводы.

Влияние сурков на растительность, вероятно, слабое, так как скусывание и унос стебельков и листочков (из отчета: «Взрослый сурок съедает ежедневно 250-700 граммов зелени, сеголетки перед спячкой – до 300 граммов») «предусмотрено» природой. Растительность тут же (или через год) восстанавливается путем регенерации. Удобрение, нигде, кроме как на бутанах, существенно не сказывается. Можно предполагать, что, если бы сурков не было, развитие растительности пошло бы иным путем. Растительность и населяющий местообитания сурков совместно существовали десятки тысяч лет в условиях сурового альпийского климата, притерлись друг к другу и к другим компонентам высокогорной равновесной экологической системы, поэтому другого результата ожидать и не следовало.

В небе кружит бородач. У площадки кормятся несколько завирушек.

3 июля, 2500 м над ур. м.

Разгар цветения травянистых растений на лугах в субальпийском поясе. Белые султаны рослого тарана прикрывают прочие растения. В «окнах» куртинами цветет герань, сочной зеленью выделяются заросли лисохвоста. На этом фоне декоративно смотрятся желтые цветки зопника, соцветия бузульника, ястребинок, золотарника. Прячутся розовато-синие цветки пустырника и аazineумы, собранные в рыхлые кисти.

Наблюдения на площадке 2 часа.

Мы подъезжаем к месту временного табора. Требования для остановки на одну или несколько ночей: возможность для установки палатки на ровном месте, рядом - пологий склон для выпаса лошадей, близость воды и источника дров.

Тропа прошла сквозь заросли высокотравья: дудника и борщевика. Внезапно лошадь шарахнулась: по тропе проскользнул молодой сурчонок-годовик или сеголеток. Он, вероятно, увлекся кормежкой и не обратил внимания на тревожные крики сурков на бутанах в отдалении.

Уже с утра началась жара, непривычная для высокогорья. Она всегда ощущается человеком в послеутренние часы: полчаса-час стоит штиль, ночной, горный ветер сверху меняется на противоположный дневной, долинный. И хотя температура не высокая, ощущаешь себя, как в бане-парилке из-за безветрия.

Вероятно, те же ощущения испытывают и сурки. Покормившись, грызуны не ушли на отдых в норы, а остались на местах, приспосабливаясь к жаре в ожидании ветра: один неподвижно стоит столбиком, другой улегся с комфортом на камень, хранящий прохладу с ночи, третий свалился на спину, выбрав для охлаждения грунтовое обнажение.

Подул ветерок снизу, и зверьки его сразу уловили. Из норы показалась черная «шапка» взрослого сурка. Он повертел головой, надо полагать, огляделся, но вылезать из норы не спешил: так прохладнее, чем на поверхности.

Какое-то время спустя, взрослый сурок все-таки вылез из норы, покормился, столбиком передвигаясь от одного клона тарана к другому. Затем совместил кормежку на пограничном маршруте с нанесением меток на камни, прикладываясь к ним заглазничной железой. К нему приблизился годовик, и взрослый благосклонно позволил ему

обследовать и обнюхать свое туловище. В свою очередь, взрослый сурок почистил годовика – выбрал ртом все лишнее с живота, с грудки, закончил головой. Зверьки разошлись умиротворенные.

5 июля, 3000 м над ур. м.

Переезд и устройство временного табора вблизи верхней площадки – в 300 метрах от нее. Снизу привезли с собой запас дров.

Наблюдения полтора часа.

Появление чужака (вероятно, это был самец) встречено агрессивно: все кормящиеся зверьки насторожились. «Гость» принялся к меткам на камнях, к нему приблизился взрослый «хозяин»: походка боком, косолапая (ноги расставлены), распушенная шерсть, хвост прижат к спине. После неудачной попытки чужака обследовать – обнюхать хозяина зверьки сцепились в клубок и покатались по склону. Чужак сумел освободиться и юркнул в подвернувшуюся нору. Она оказалась защитно—кормовой со многими лазами – выходами. Хозяин немедленно принялся закапывать отверстие: комья земли летели от передних и задних лап.

Спустя некоторое время из другого лаза появилась голова чужака (как подтверждение – несколько мелких кровоточащих ран, ясно видимых в бинокль). Он робко осмотрелся и, прижимаясь к земле, покинул участок.

Закапывание продолжалось...Через десять минут взрослый сурок успокоился. Что ж, положение главы, хозяина, доминанта, обязывает.

В другой семье взрослый сурок при передвижении по участку во время кормёжки оказался в непосредственной близости от сурка – годовика (вполне возможно, что это его детёныш – сын или дочь). Молодой зверёк проявил подчинение: стойка менее напряжённая, приниженная. Обследование взрослого он начал снизу, припадая на передние лапы. В свою очередь, он с готовностью подставил взрослому для обследования голову, шею и попеременно бока.

Взрослый сурок не удовлетворился обнюхиванием. Он навалился на молодого и занялся чисткой, прощупывая губами его мех на голове и груди.

Обычно взрослые, включая мать, воспитанием молодых не занимаются и при надоедливом приставании уклоняются или же просто отпихивают их. (Из отчёта: «Взаимоотношения между членами семьи носят скорее дружелюбный, чем жестко иерархический характер»).

8 июля

С утра небо заволочло тяжёлыми тучами, но к полудню оно очистилось. До самой осени в высокогорье дождей, вероятно, не будет.

Цветение на альпийских лугах набирает силу. В начале июля зацветают герань, лаготис, песчанка, минуарция, в полном цветении лютики, некоторые злаки, в стадии бутонов горцы, зизифора, лапчатки. Внешний облик растительности сомкнувшийся, светло-зелёный. По сравнению с нижележащими высотными поясами развитие растительности в альпийском поясе сдвинуто: всё ещё впереди.

Мы с лаборантом больше часа занимались наблюдениями. И проглядели, когда на гребне появилась группа из четырёх всадников. Сурки, непривычные к такому вторжению, всполошились и, прокричав пару минут, скрылись в норах. Кормёжка у них прервалась не менее как на полчаса, хотя мы все удалились с площадки и ушли на табор.

А мы подумали, не браконьеры ли здесь осели? – инспекторы охраны приветствовали нас весело. Выяснилось, что патрульная группа, воспользовавшись обнажившимися от снега тропами, проехала по верховьям рек. Тропы (одно

название) трудно преодолимы, так как на пригребневых склонах, ориентированных на север, встречаются снежные залежи – надувы от зимних метелей. Форсировать их с лошадью – одно мучение: склоны крутые, рыхлый снег глубоко проваливается под лошадиными ногами. Для инспекторов это первый высокогорный маршрут в сезоне.

Первая поездка, как первый блин – комом. Но инспекторы были довольны: крупных происшествий, грозящих последствиями вдали от дорог, в безлюдной местности, не случилось.

Кекликов много, но улары свистели всего однажды. Кабаны поднялись в высокогорье вслед за отступающей снежной кромкой. Козлы держатся в скалах. Видели однажды медвежью «свадьбу», процессию из четырёх зверей: самка, громадный самец, а сзади, чуть в отдалении два самца поменьше. Сурки везде кричат, всюду кормятся, но драк между ними не наблюдали. В одном месте шкурку сурка, исклёванную беркутом, доглаживала лисица.

Что ж, полученные от инспекторов сведения мало чем отличались от наших. К тому же они передвигаются ходом-ходом, вся живность, полагаясь на свои глаза, уши и нос, успевает скрыться. Так что информацию можно рассматривать как дополнение к нашей.

Мы вскипятили воду (немножко дров инспекторы возили с собой), приготовили чай. Лошади за два часа успели подкормиться, отдохнуть. Взаимно довольные встречей, разошлись – разъехались по своим делам.

16 июля, 2500 м над ур. м.

Цветение в субальпийском поясе в разгаре. Цветут высокостебельные эремурусы: от зацветания нижних цветков до верхушечных проходит не менее десяти дней. Местами встречаются куртины цветущего в разных стадиях лука. Все виды лука декоративны, особенно горюбовый и каратавский. Красивы также цветущие смолёвки, гвоздики, шлемники. Доцветают позднецветущие ферулы. Особой мощности листьев-опал достигают прангос. Отдельные цветки его блеклые, не бросаются в глаза. Но из-за обильного цветения и обширности зарослей создаётся богатый, налитый желтизной фон. Сиреневыми пятнами выделяются луга из герани. Кое-где ярко пламенеют крупные, пунцовые цветки пиона, кстати, ядовитого растения. Но, коль красив – в «Красную книгу» его, такова логика природоохранителей. Щебенистые склоны покрывает зверобой, – год выдался «зверобойным». В иные годы это растение, считающееся лекарственным, цветёт, да и вегетирует редко – редко. У мочажин, перекрывая тропу, склонились под собственной тяжестью высокие стебли дудника и борщевика. Мелкие цветки, как у большинства зонтичных, невзрачны на цветоносах, но цветение обильное. Цветут темно-синие лаготисы, распластавшись на щебенистой почве: они ядовитые, но в качестве корма для сурков, вероятно, самые привлекательные. Продолжают цветение таран, золотарник, подмаренник (с прямостоящими стеблями – памиро-алайский), зизифора, ястребинка, астра, тимофеевка.

Наблюдения 1,5 часа.

Сурки активно кормятся. Сеголетки уже не пристают к родительницам с явной целью подкормиться молочной пищей.

Из-за скалы неожиданно налетел беркут. Он барражировал над «подведомственной» территорией чуть ли не ежедневно. Сурки, заранее его обнаружив, поднимали тревогу, успевали спрятаться в норы. В этот день не повезло годовику, которого выцелил пернатый хищник среди шума и всеобщей неразберихи. Он цепко схватил добычу когтями и, не складывая крыльев, дважды ткнул крепким клювом.

И тут лаборант Джанибек, не выдержав, с криком выскочил из засидки и устремился к месту действия. Следует оговориться, что я его постоянно предупреждал не вмешиваться в жизнь сурчиной семьи, какой бы она не показалась ему ненормальной и нештатной. Впоследствии он оправдывался: «Хотел отобрать добычу у орла (беркута)».

Орёл взмахнул крыльями, тяжело поднялся в воздух, но добычу оставил. Следом за Джаныбеком я подошёл к комочку плоти, только что бывшей живым существом. Представилась возможность обозреть вблизи и внешний вид и, так сказать, внутреннее содержание (Мы взрезали тельце сурка, перенесли его в засидку).

Пол определяется по расстоянию между анальным и половым отверстиями – в данном случае зверёк оказался самцом. Бросалась в глаза тёмная шапочка. Светлые тона просматривались сбоку шеи, на груди, горле и ушах. Верх бурый, местами черно-бурый, брюхо серо-рыжее. Хвост черно-бурый. Линька была в самом разгаре: старые волосы выпадали, новые – ости-коротышки и бугорки – усыпали всё туловище. Волосы выпадали кусками. Кроме линьки на волосах, также отслаивались чешуйки эпидермиса, которые нанизывались на волоски и сваливались. Хвост не линял и, вероятно, на нём линьки не предвиделось (из отчёта: «Экономится энергия животного»). Мы просмотрели, прощупали весь наружный покров животного. Выделяются длинные вибриссы, размещённые у носа, на щеках, у глаз, на подбородке и даже на запястье. Ясно различима заглазничная железа по вытертым волосам. В углах рта, где должны находиться железы, волосы слабо вытерты. На подошвах железы вообще не просматриваются, а там они должны находиться: их функция – выделять секрет с запахом на ходу (на бегу). На передних лапах пять пальцев, на задних – по четыре. Резцы крепкие, длинные.

При вскрытии выяснилось, что годовик накопил немного жира – менее полкилограмма. Отложения жира просматривались в паху, в корне хвоста, несколько меньший слой покрывал кишки и почки.

Что делать с останками сурка? Для коллекции мы отделили голову (череп надо вываривать), выдрали плечевые косточки из передних лап – как обработка, для них назначается выварка и мацерация. Коготь с передней лапы необходим для уточнения возраста, а он определяется по тонким срезам. Образцы необходимы для систематических исследований: некоторые зоологи считают, что данный вид предпочтительно разделить на подвиды.

Остальные органы вполне съедобны, несмотря на то, что мясо попало к нам через посредство когтей беркута.

18 июля, 3000 м над ур.м.

Работа в коллективе – учёты численности крупных позвоночных животных. Бассейн соседней речки.

Ходьба поперёк склона – это почти отдых. Не беда, что ногу надо ставить косо, чтобы не было проскальзывания, а встречающиеся на пути скалы – «жандармы» отвлекают внимание: нужно выбрать обходной путь.

Я картировал норы, постоянные и летние, занятые семьями сурков. Временами останавливался, принимал к окулярам бинокля, выискивая кричащих сурков, столбиком объявляющих тревогу, перед тем, как юркнуть в нору. Склон, заросший среднетравьем из типчака, мятлика, бескильницы, котловника, горца, герани, астрагала, песчанки, – одолевался серпантинном (поперёк, несколько раз), так что наверху, у гребня тревожные крики сурков стихли. Зверьки заранее попрятались в норы.

За перегибом склона крики сурков возобновились. Выходить на гребень полагается осторожно: «А что там, впереди?» Вот и сейчас обнаружилось стадо горных козлов: две матки, три прошлогодка и два сеголетка. Козлы уставились на появившегося человека,

моментально уловили надвигающуюся опасность, вихрем развернулись и мигом умчались за перегиб склона. Через полминуты стадо выскочило на противоположный склон. Копытные выправили курс, скатились обратно на днище сая и затерялись в лабиринте поворотов, среди скал.

По следам можно было установить, что самки кормились, скусывая прикорневые побеги злаков. Их трехмесячные чада (возраст определён с большой вероятностью из других наблюдений) часто прикладывались к материнским соскам. Их братья – прошлогодки, насытившись зелёным кормом, отдыхали, тому подтверждением служила примятая трава на местах временных лёжек.

По следам можно было установить, что среди кормящихся копытных, вероятно, сновал сурок – так свежи были следы. У входа в нору лежала оброненная веточка горца – кормление совмещалось с заготовкой растительной массы для формирования гнездовой подстилки. Приглядевшись, я определил, что горные козлы скусывали грубые побеги, а грызуны выбирали сочные, зелёные листочки и побеги.

На набитой тропе громоздился кучами помёт медведя. Двести-триста метров ниже встречаются заросли ферулы, так называемые умбелляры, - видимо, там хищник напился. Кишечник у медведя, как и у всякого хищника, короткий, растительный корм не успевает в нём толком переработаться, усвоиться, отсюда и баррикады на тропах. Редко, если повезёт, медведь может задавить сурка, чаще довольствуется падалью, разыскивать которую он большой мастер.

Последний траверс на склоне. Исчезли бутаны: сурки целиком переключились на закладку нор у основания скал - там земля не выбрасывается вверх. В сторону отвернул след медведя. У моих ног, над бурлящей водой сая редко – редко взмахивал крыльями беркут.

22 июля, 2500 м над ур. м.

Начал наблюдение (лаборант остался на таборе). В центральной норе, где было семь сурков, сегодня не обнаружилось ни одного. Раздосадованный, я вылез из засидки и кинулся на площадку, чтобы выяснить причину. Сурки, естественно, всполошились и подняли истошный хай: ещё бы, такого никогда не было. На бегу я краем глаза обнаружил: в пойме небольшого ручья вне сурчиного поселения завозилась парочка взрослых грызунов, тут же спрятавшихся в зарослях высокотравья – дудника и борщевика. Взрослый сурок взобрался на пятиметровую скалу и кричал, прямо верещал – играл тревогу. Так и есть: семья из основного поселения, из зимовочной норы переселилась ближе к влажной растительности, спасаясь от засухи. Хотя, надо сказать, засуха в субальпийском поясе не столь выражена, как в среднегорье.

От бутана брошенной сурками норы по радиусам отходили хорошо натоптанные тропки. На новом месте (под скалой обнаружилась гнездовая нора) тропок не было. По времени заселения их ещё не могло быть. Кроме того, в высокотравье их натоптать, «замаркировать» вообще трудно. Осенью семья, пожалуй, вернётся в постоянную зимовочную нору. Вот только куда зверьки будут носить сухую травку для подстилки?

Следует отметить, что сурки редко поселяются в зарослях высокотравья, где осмотр – оглядывание затруднены, хотя условия для кормёжки более благоприятны.

Я вернулся в засидку, но наблюдения можно было продолжить только через полчаса, когда из нор появились сурки и занялись кормёжкой, бродили по участку, попутно подновляя метки, обнюхивали друг друга и просто лежали, бездельничали на бутанах. Активно вели себя и переселенцы: взрослые и молодые. Временами то из одной, то из другой заселённой норы летела земля: сурки занимались ремонтом и реконструкцией своих подземных жилищ.

25 июля, 3000 м над ур. м.

Конец июля – разгар цветения в альпийских лугах. Цветут одновременно почти все травянистые растения и мелкие кустарнички – 85 – 95% всех видов. Рядом с бутанами обильно цветут горцы: жёлтый – гиссарский и розовый – красивый. На щебенистой поверхности распластались жёлтоцветковые лапчатки и темно-синие лаготисы. Отдельными стеблями торчат низкорослые бузульники, родиолы, макротомии, лютики, бороздосемянники, желтые маки, куртинками цветут остролодочники и пахучие зизифоры, мало заметны цветущие злаки: мятлики, типчаки. Кое-где среди ковровой растительности просматриваются бледно-зелёные гусиные луки (в среднегорье их относят к группе «подснежников») – в высокогорье в середине лета они ещё вегетируют.

Наблюдения три часа.

В альпийском поясе активность сурков, как взрослых, так и молодых – годовиков и сеголетков – высокая. Но к полудню количество кормящихся сурков уменьшается. Интервал – отдых между приёмами кормления увеличивается. Сеголетки не докучают взрослым своими играми – только обследование, обнюхивание, чистки, совместный отдых наваливанием. Взрослые, вероятно, отяжелели для игр. Игры – только между молодыми: стойка столбиком, сцепление зубами, обнимание, иммитация борьбы и бокса, «догонялки». Сурки уже не приближаются к границе участка, хотя всего месяца назад границу активно маркировали и взрослые и молодые члены семьи.

Лисицы перестали забегать на поселение сурков, во всяком случае, во время дневных наблюдений их не было. Видимо, сеголетки – их добыча – повзрослели, приобрели жизненный опыт. Зато беркут барражирует ежедневно: ему требуются взрослые особи. Его полёт приурочен к окраинам поселения. Взмахивая крыльями, пернатый хищник как бы говорит: «Есть дела важнее!»

2 августа

Ночи становятся заметно холоднее. Это сказывается на растительности: трава, надземная часть её, усыхает. Многие растения в стадии окончания цветения. Часто в одном клоне или на одном стебле можно увидеть и цветки и побуревшие, отмершие листья. В разгаре цветение горцов, злаков, лапчаток, остролодочников, герани, юриней.

Сурки кормятся активно, особенно молодые. В бинокль видно, как став столбиком, они скусывают соцветия и созревающие плоды у трав, достигших высоты 20 – 50 см. По-прежнему зверьки употребляют в пищу все произрастающие рядом растения, хотя предпочтение отдаётся качественным органам: упомянутым выше цветкам, плодам и сформировавшимся, зелёным листочкам. Этому требованию удовлетворяют горцы, ясколки, хориспоры, лапчатки, а также кисличник, в меньшей мере лютики, кузиния, песчанка. Высоко пролетел беркут. Два взрослых сурка разглядели его, почти одновременно издали по однократному, резкому крику: «Объект очень опасен, некогда закладывать длинные крики!» Хищная птица летела по своим делам, на колонию не обращала внимания, поэтому сурки как-то сразу утихомирились.

Но в дальней от меня стороне раздался резкий, слегка протяжный крик. К нему присоединился короткий крик. Стремясь определить причину, я с биноклем высунулся из-за камня – меня тотчас же заметили. Сурки, кормящиеся поблизости, рванули к норам. В бинокль разглядел лисицу. Это для неё предназначались короткие и резкие крики (человеку адресуется протяжный и резкий крик). Все три объекта опасные, и поэтому сурки, доверяя кричащим, незамедлительно исчезают в норах.

Чтобы разглядеть опасность, сурки во время кормёжки осматриваются через несколько секунд – редко до двадцати секунд, в высокотравье становятся столбиком или

влезают на выдающиеся камни. Безопасность коллективная, поэтому особых, специально выделенных наблюдателей нет.

3 августа, 2800 м над ур. м.

Учёт численности сурков в поселении в бассейне соседней речушки.

Семьи устроили норы на пологих склонах, упирающихся в ручей, который к началу августа стал маловодным. Выше колоний громоздятся скалы, перемежающиеся крупноглыбистыми курумами.

Лишь только мы вступили во владения сурков, поднялась тревога. Сурчиные трели перекаываются волнами от одной семьи к другой, от колонии к колонии. Ближние сурки попрятались в норах, в отдалении, на бутанах столбиками стоят взрослые зверьки, зорко оглядывают окрест и непрерывно кричат. Приходится прятаться, отсиживать, чтобы учесть всё поголовье сурков в колониях, особенно где семьи уплотнены.

На двух – трёхметровой полосе я учитывал пресмыкающихся: всё равно, приходилось глядеть под ноги, чтобы не споткнуться. Без тропы в горах передвигаться вообще опасно. Многочисленные гологлазы – ящерицы не более десяти сантиметров длины – встречались на каждом шагу: стоило ли их учитывать!? Они всё время в движении, не кормятся, не греются на солнце, на глаза попадают уже с восходом солнца. Зато щитомордник никогда не спешит: свернувшись кольцами, греется на солнце, которое даже в августе в альпийском поясе на тепло не щедрое. В высокогорье прохладно, ветрено, но, судя по встречам, у щитомордника относительно высокая плотность. За час – два часа фиксируется хотя бы одна встреча этой ядовитой змеи. Гораздо реже встречаются полозы: вероятно, они теплолюбивы.

За двадцать метров от человека, не выдержав напряжения, с шумом взмывается в воздух пара уларов: на темно-буром фоне оперения сверкают ярко-белые зеркальца крыльев. Спустившись ниже по склону (высота 2800 м), я вспугнул два выводка кекликов. Птенцы неделю-другую, как вылупились, но подлётывают резво. В конце лета мелкие воробьиные птицы, избавившись от забот по воспитанию молодняка, начинают кочевать в поисках корма. На бутанах с мягкой почвой купаются в пыли выюрки, овсянки, щеглы, заглядывают сюда парами горлицы, чтобы склевать комочек – другой мелкозёма, насыщенного мочой сурков.

В одном месте у подножья крупноглыбистого курума примятая трава и свежий конский помёт насторожили. Кружа по выбитому лошадьми месту, я определил, что было пять лошадей: ночью три из них привязывали на аркан, две ходили вольно. Очаг, след ночёвки – примятая потниками трава, - остатки дров, полиэтиленовый пакет с крошками насвая, картофельные и луковичные очистки – обычный мусор, оставшийся от браконьеров. Один из потников завалился за камень – потеря для хозяина. На ходу из хурджина вывалилась баклажка с холодным чаем. Нарушители спешили, несомненно, убегали от меня. Они заметили опасность, когда я разбирался с норами и выискивал сурков с помощью бинокля по их тревожным крикам. Ясно, что поспешное бегство связано с нежеланием «засветиться»: всё-таки они, по-видимому, рассчитывают вернуться через пять-семь дней, чтобы продолжить «охоту». Вон и казанок валяется под скалой, замаскированный пучком травы.

Казан я перепрятал по-настоящему, на будущее запланировал передать сведения лесникам охраны – пусть принимают меры.

4 августа

«Встреча» с браконьерами (хотя и в отсутствии визуального контакта) оставила в душе тяжёлый осадок. Под влиянием мрачных мыслей я на следующий день направился

в верховья речушки, по которой проходит граница с заповедником. Необходимо было проверить заселённость нор сурками. В прошлом году, по словам лесников, на сопредельном берегу поселились две пришлые семьи сурков. Точнее, сурки мигрировали в заброшенные норы поодиночке и из разных семей, а уж затем образовали устойчивую семью.

Место, куда мы подъехали к полудню, отличалось от других речных бассейнов сухостью, повышенной каменистостью – насыщенностью скалами и курумами. На склоне, вблизи днища бокового сайка, безводного с начала лета, просматривалось несколько бутанов. Приблизившись к ним, мы установили, что жилым духом здесь не пахнет – сурков нет. Бутаны заросли щавелем, тараном, горцом. Сколько-нибудь заметных тропок от нор не было, лазы в норы занавешены редкой паутиной, а некоторые норки вообще обвалились. Царило запустение. Даже вездесущие суслики не встречались. Вероятно, прошлогодние встречи сурков совсем не означали заселение, а скорее – всего лишь ознакомление мигрантов с территорией. «Ходоки» вернулись в прежние семьи либо ушли на «новые земли».

Материал для расселения имелся: на заповедном берегу слышались редкие, тревожные крики. Сурки узрели нас. Пожалуй, благополучному расселению сурков препятствует излишняя сухость, а она обуславливает бедность и даже непригодность кормовой базы, особенно в конце лета, а также незначительную глубину мягкого грунта: на таком мелкозёме подходящие норы не соорудишь.

5 августа

Встреча с патрульной группой лесников. Такие встречи к концу лета стали чаще: со сходом залежей снега, перегораживающих тропы, лесники стали ездить шире. За чаем они поделились новостью.

Вчера в полдень они заметили в бинокль барсов – ирбисов: взрослого и двух молодых. Взрослый барс, несомненно, являлся самкой, поскольку самцы живут вне семьи. Место недоступное, «высота, как здесь». Звери что-то доедали («нет, не остатки сурка, по-видимому, молодой козёл»). Семья хищников иногда встречалась, попадала на глаза наблюдателей, в иные годы встречи не фиксировались совершенно. Куда уходил молодняк, где квартирует самец? Эти вопросы выяснить нельзя на основе редких встреч.

Снежный барс «достиг» в округе мизерной численности. И организация, также как и деятельность заповедника, не спасли, не удержали на стабильном уровне численность хищника, которая в прежние десятилетия была приемлемой для природного комплекса.

13 августа, 2500 м над ур. м.

Солнечно. Довольно тепло и, если бы не ветер, было бы жарко. На пробной площадке «многолюдно», если считать для условий середины августа. Молодые сурки не задираются к взрослым, по-видимому, время игр осталось в прошлом. Зверьки на кормёжке, если встречались, обнюхивали друг друга. Молодые тёрлись носом или заглазничной железой – ставили метки на туловище взрослого. Делалось это мало заметно, но в бинокль разглядеть можно. К незримой границе между семейными участками сурки уже не подходят, соблюдают своего рода нейтралитет.

Из норы вылез, оглядываясь, средневозрастный сурок, - если судить по комплекции. Кормящиеся зверьки встретили его появление довольно агрессивно: хвост прижат к спине, при приближении косолапая походка. Вот один из взрослых сурков, громко урча и повизгивая (звуки доносились до засидки), кинулся на собрата, чем-то провинившегося, несколько раз куснул его. Сильно возбуждённый сурок-изгой поочередно «навещал» родственников. Казалось, он что-то пытался доказать: «Вы что,

мужики? Я же свой!» И так продолжалось около двадцати минут. Лишь после неоднократных обнюхиваний отношения приобрели мирный характер. Возбуждение и агрессивность членов семьи можно объяснить долговременной отлёжкой «провинившегося» в норе. Накопление жира в теле сурков из активной формы перешло в пассивную: кто дольше вылежится, тот больше жира накопит.

15 августа

Солнечно, ветер довольно сильный.

Я намеревался посетить одну из площадок, заложенных вдали от тропы с целью выяснения изменений в растительности. Одолея подъём, стал спускаться по широкому склону, заросшему тараном, ежей, ястребинкой. Спустившись наполовину, увидел волка, лежащего под скалой. Если быть точным, первым меня обнаружил волк. Всё-таки я двигался, производил шум, а волк (до него было метров сто двадцать) просто лежал, отдыхал от августовской жары, которая пришла в высокогорье, постепенно окрашивая склоны в светло-коричневые тона.

Я схватил бинокль, лихорадочно прокрутил окуляры, устанавливая наводку. Первая мысль: «Где остальные члены волчьей стаи?» Таковых поблизости не оказалось. И то хорошо! Волки и в стае, конечно, удаляются от человека (меня, то есть), пугаются. Но всё-таки: «Оборони, господи!»

В круге, выхватываемом биноклем, уместилась лобастая голова, мощная грудь – надо полагать, это самец. То, что я не имею оружия – это он сразу определил. Хищник рассматривал меня с любопытством, оценивая и без страха. Взаимное разглядывание (я – через оптику) длилось минуты три. Наконец, волк принял меры безопасности: он попятился за большой камень, выставив на обозрение одну голову. Наконец, и она исчезла. Видимо, зверь удалился за скалу, а там, используя складки местности, потрусил от человека, которому не склонен попадаться на глаза.

Волк был одиночкой, но, возможно, стая иногда принимала его. Под скалой он устроил временное логово, основательно расширив вход в бывшую сурчиную нору. Здесь он пережидал жару. Из-под скалы открывался широкий обзор местности, а для волка на отдыхе – это главное.

Среди выбросов мелкого щебня обнаружилась полуистлевшая и почерневшая косточка сурка. Нет, это не остатки волчьей трапезы, хотя при удобном случае хищник не преминет задавить зазевавшегося сурка. Косточка же – то, что осталось от покойника, перед смертью забившегося в один из тупичков разветвлённой норы либо стянутого туда родственниками («чтобы не мешался!»).

Разбираясь с логовом волка, я прислушивался к тому, что делалось за скалой, на участке сурчиной колонии. Середина августа – не время для активной жизни и, возможно, всё сурчиное население отлёживается в норах, готовясь к капитальной осенне-зимней спячке.

Три сурка всё-таки выбрались на поверхность и расположились на бутане. Меня они не видели, мешала скала, но звуки, шум, вероятно, долетали до них. Сурки забеспокоились, слышались тревожные крики. Я осторожно выглянул из-за скалы, предварительно поместив на голову ворох травы.

Взрослый зверёк с чёрной головой и складками на брюхе возлежал на большом камне, едва возвышавшемся над бутаном. Два годовика беспрерывно вертели головами, изредка «для порядка» покрикивали. Чистка, обнюхивание, мечение – ничего этого не было: зверьки просто отдыхали. Несколько раз я выглядывал, шарил биноклем по набитым зверьками тропам, по крупным камням – картина не менялась: три сурка в ряд

не то блаженствовали, не то страдали от безделья. (Из отчёта: «При скучивании на отдыхе сеголетки обычно наползают на партнёра и вылизывают заглазничную железу

25 августа

Заканчивается цветение трав на лугах. Взгляд останавливается на ярких цветках астры и зизифоры. Высохли и затерялись в травостое стебельки пиона, молочая, зопника, бузульника. Надземная часть других трав постепенно отмирает. Общий фон рыже-бурый. Я уже два часа сижу в засидке, наблюдаю за повседневной жизнью сурков. Присутствие их на поверхности далеко не полное. Кормятся в основном молодые: сеголетки – их можно определить по окраске – и годовики (отличие по размерам). Возможно, среди них есть и матки.

Все зверьки понемногу выносят старую подстилку из нор, выбрасывают её тут же, на бутане. Из нор временами вылетают «струёй» мелкозём и камешки: продолжаются «земляные работы», в которых также участвуют все члены семьи.

В пищу идут (в бинокль видно) зелёные листочки герани, бузульника, борщевика, дудника, гвоздики, тарана, зопника, лаготиса, кисличника, подмаренника, сныти, типчака, стахиопсиса, семеновии, ястребинки и некоторых других. Сухие плоды менее предпочтительны, скусываются у злаков, остролодочников, лютиков, пажитника (мелилотоидеса). Сурки из переселившейся в летнюю нору семьи на кормёжке придерживаются зарослей крупнотравья: борщевика, дудника, мяты, чины, вики, осоки.

3 сентября

Появились перистые облака – признак изменения погоды.

Встречи полозов и щитомордников стали редкими. В солнечный, безветренный день они выходят позже, чем месяц назад. Расщелины и камни – их убежища от холода. Но гологлазы попрежнему активны, встречи их не уменьшились.

Вторая волна холода, проносящаяся над Туркестаном в конце первой декады или в середине сентября, заметно изменяет растительность: отмирание трав, надземной их части вызывается понижением температуры, а не дефицитом влажности, что было причиной летнеотмирания. После продолжительной засухи – июль-сентябрь – возможен первый осенний дождь – он промачивает верхний слой почвы за сутки – полторы суток. В высокогорье циклон может принести первый снежок, который ненадолго одевает рыжие склоны в пёстрый наряд.

Оголились стволы жимолости и смородины, опали сочные листья. У кизильников лист плотный, поэтому долго держится на ветке. Дрозды доклевывают ягоды барбариса и алычи. Исчезли околотовые птицы: трясогузки, оляпка, синяя птица. Некоторые улетели на юг, другие переместились в предгорья. Стаи кекликов переходят и перелетают в соседние долины, но вниз пока не спускаются. Покраснели от ночных холодов гераневые луга, светло-палевой окраской выделились далеко видные луговые луга. Выпали из травостоя побуревшие гусиные луки, мытники, одуванчики, минуарции. Доцветают последние горцы, лапчатки, герани. Но у съевшихся остатков снежных лавин, сошедших прошлой зимой, по-прежнему зеленеют хладостойкие влаголюбивые: ясколка, мята, котовник, кисличник.

Наблюдения один час.

Взрослый сурок выглянул из норы, через пару минут вышел, огляделся, затем, не спеша, проследовал в дальний конец участка. Несколько раз подходил к отдельным растениям, вставал столбиком, но, «забраковав» кормовой объект, перемещался к следующему. Подновил метку – экскремент.

Из норы выбрался молодой сурок, по размерам сеголеток. Вылинял: приобрёл тёмную шапочку, общий окрас зверька – серовато-рыжий с палевым низом. Сурчонок отошёл на несколько метров от норы и стал кормиться, в отличие от взрослого «не разбираясь» в кормах. Испугавшись чего-то, юркнул в нору, и уже оттуда донёсся сдвленный тревожный писк-крик.

Другие сурки, члены семьи на поверхности не появлялись. Вероятно, у них длительная отлётка. Часть из них будет поднята со сна для устройства земляной пробки во входном отверстии из окатышей, заготовленных загодя.

12 сентября

В прозрачном воздухе кусками летит паутина – это переселяются молодые паучки. Стая щурок перекрыла долину горной речки: так легче ловить насекомых, переносимых потоками воздуха. Перед отлётом ласточки зигзагами носятся в воздухе: сегодня многочисленные, завтра нет ни одной. Трепещет крыльями на одном месте пустельга, высматривая на земле за полсотни метров кобылку-кузнечика или мышь. В зарослях жимолости крутится небольшая стайка темнозобых дроздов, прилетевших с севера в наши горы на зимовку.

Неделю назад на этой высоте сыпал снег и, как всякий первый снег, пролежал двое суток и растаял. Натоптанная тропа, которая вела в верховья (2800 м) повернула со склона к речке. Конь резко сбавил ход. Я огляделся. В середине лета здесь лежал снег, остатки пришедшей из бокового сая лавины. К осени снег на тропе стоял. Остались крупные камни, куски грунта, сучья, небольшие деревья – всё, что принесено лавиной в зимнюю или ранневесеннюю пору. Тропа исчезла. Осенние холода притормозили таяние остатков снега – они вытянулись «языками» по обоим берегам, а над водой ещё летом вытаяла пещера – от тёплой текущей воды, – и свод её обрушился крупными, грязно-белыми блоками. Чуть выше склон забелила тонкая корочка первого снега. Сравнение по красоте с остатками лавины, несомненно, оказалось в пользу нового снега.

Всё лето отложения снега действовали остужающе на растительность, появляющуюся у кромки по мере стаивания. Избыток талой воды, потоки холодного воздуха выдерживают кисличник, мята, котовник, лапчатка, лютик, альпийские мятлики. И чем позже вытаял участок, тем беднее представлен он видами растений. Вегетационный период как бы съёживается: травы проходят цикл в полтора – два раза быстрее, хотя и прихватывают при этом холодную осень с ночными заморозками. Из-за недостатка тепла растительность в своём развитии как бы приподнята на 500 – 800 метров.

Сурки не устраивают нор, не селятся на пути схода или в ложе успокоения лавины: по весне трудно пробить плотный снег, толщиной пять – семь, а то и десять метров. Но из ближайших колоний сурки постоянно приходят подкормиться сочной травой.

Тихо и пустынно в поселениях сурков. Из нор иногда выскакивают сожители – суслики: кто кормится, кто перебегает из норки в норку. Палкой проверил лазы в норы: все жилые, зимовочные норы забиты земляными пробками. Даже из летней гнездовой норы семья возвратилась в зимнюю, выкинув предварительно старую подстилку.

Зверьки ушли в спячку. **(Из отчёта: «Отлётки в начале августа, продолжительностью 2 – 8 суток, рассматриваются как адаптация к накоплению жира в кратчайшие сроки. После ухода в норы сурки некоторое время бодрствуют, ведут подземный образ жизни, не сразу залегают в спячку. Один из признаков спячки - оцепенение»).**

Вместо послесловия

Сурок Мензбира - *Marmota menzbieri* Kaschk., распространённый в Западном Тянь-Шане, задаёт много вопросов, много «почему». Почему удачно вписываясь в

предоставляемые ему природой местообитания и имея приспособления – адаптации (продолжительная жизнь, низкая смертность в промежуточных возрастах, отсутствие эпизоотий и ограниченность естественных врагов), темпы роста численности невелики, численность выводка не высокая и расширения ареала практически не отмечается, то есть жизненные перспективы у этого вида сурка самые туманные. Будет ли выправлена «негативная» биология – покажет время, покажет будущее.

МЕДВЕДЬ БУРЫЙ, КОГТИ СВЕТЛЫЕ

Предисловие

Медведь, распространенный на Тянь-Шане, так и именуется тяньшанским. Правда, населяет он также горы к северу и к югу от этой горной системы. А потому уточнённое название подвида (до отдельного вида он не дотягивает) – медведь бурый белокоготный (*Ursus arctos isabellina* Horsfieldi, 1824).

Рождается медвежонок в весе и величине, несоразмерно с мамашей – всего с рукавичку. В первое лето он ускоряется, нагоняет по весу и вместе с матерью ложится в берлогу в весе барана – 40 кг, а перед второй берлогой – 60 кг, а в последующие годы – кому как повезёт: может остановиться на 80 кг, в редких случаях дотягивает до четверти тонны. Кадьяк в Северной Америке более весомый. Наши медведи, имея в распоряжении в основном растительный корм, тяготеют к меньшему из приведённых весов.

Окраска их разнообразна – от светло-палевой до тёмно-бурой и буро-коричневой, последние цвета преобладают. Белая «бабочка» - треугольник - обязательный элемент «одежды» молодых медведей, но с возрастом этот непонятный и ненужный для эволюции и практической жизни признак сохраняется не у всех особей.

Несмотря на грузность и непомерные отложения жира (а в сказках он изображается увальнем), медведь, когда надо, проявляет завидную прыть и недостижимую бегунам скорость: может изловить шныряющего из норы в нору суслика, в состоянии догнать скачущую галопом лошадь.

В силу своей биологии медведь вынужден дважды в год испытывать сезонные стрессы, связанные с кормами, точнее с особенностями обмена веществ: летний стресс обжорства и зимний стресс голода. Если летом мишка не находит времени для кратковременного отдыха, а некоторые особи, как считается, даже избегают участия в гоне (!) ради поглощения еды, то зимой всё выглядит гораздо тяжелее: у медведя не спячка, не оцепенение, а зимний сон с заторможенным, но достаточно выраженным обменом веществ. Медведицы также кормят новорожденных. Куда исчезает вода (много влаги!) от утилизации жировых запасов, а она остаётся в организме – никто объяснить не может.

Волею судеб, оказавшись в горах и долинах, малолесных, а иногда и безлесных, медведь приспособился к жизни в недоступных скалах, временами встречается в полупустыне. Ещё сто – сто двадцать лет назад медведь, а также тигр, кабан и другие звери довольно часто встречались вблизи Ташкента в поймах с богатой тугайной растительностью. Исчезновение последних зверей совпало с подселением с Дальнего Востока корейцев. Какая основная причина: изменения в биологии, предприимчивость и трудолюбие новосельцев, в короткий срок трансформировавших тростниковые и кустарниковые заросли в пашню, - но звери, опирающиеся на широкий диапазон адаптаций, не вписались в антропогенный ландшафт, в многолюдье, не пережили исчезновения подходящих им экосистем.

Природа благосклонна к медведям: у них мало врагов, совсем мало опасных болезней, к кормам отношение непредвзятое – были бы калории, успешно приспосабливаются к фактору беспокойства. Причина, почти единственная, медленного роста численности (а в ряде случаев – полного исчезновения) популяции – человек, его бесхозяйственность, неумение и нежелание управлять популяциями животных, экосистемами.

Февраль

На полевую базу заповедника лесники возвратились к вечеру. Они закончили протяжённый дневной маршрут с заездом в Шавазикалон. Чувствовалось, люди промёрзли, сидя в сёдлах на лошадях. К вечеру, и тем более ночью, подмораживало, но весна вступила в свои права, и днём подтаивало. На склонах южной экспозиции снег просел, местами появились проталины, а на них –цветущие подснежники: безвременники, крокусы, леонтицы, гусиные луки. Среди цветков подснежников тут и там пробили почву упругие конусы – всходы эремурусов.

Лесники сообщили, что они видели медведя. Крупный зверь вёл себя вполне прилично: рыл землю в поисках корешков, пятернёй срывал с колючих ветвей плоды шиповника, не спеша передвигался. Не похоже, что он был испуган, излишне суетился, страдал от голода. Правда, увидев людей на лошадях с расстояния 120 -150 метров, он повёл себя не по-летнему, то есть не побежал «сломя голову», а нехотя свернул в глубокий сай и затерялся среди поворотов, скал и зарослей деревьев и крупных кустарников. Склон, откуда он пришёл, тянулся на несколько километров, следы медвежьей прогулки, насколько доставал бинокль, одинаковы по рисунку: спокойный ход, местами покопки. Медведь не похож на агрессивно настроенного, истощенного шатуна. Да такого понятия, применительно к медведям, в нашем регионе просто нет! С другой стороны, есть сведения, правда, единичные, что встречались медведи, кормящиеся среди зимы на южных склонах. Предположение, что некоторые медведи, исходя из благоприятной погоды, в берлоги не залегают, не лишено смысла. Зимой, в снегопады и морозы, они довольствуются летними лёжками, впадая в кратковременную дремоту, совсем не похожую на зимний, продолжительный сон в берлоге.

Вспомнилось, что два месяца назад, в аккурат под Новый год, техник – охотовед сообщил, что видел медвежьи следы на снегу. Попытка протропить их закончилась неудачно: двухдневный снегопад с ветровыми завихрениями прикрыл и следы зверей, и

мелкие кустарники. Осмотр склонов в бинокль при установившейся ясной погоде ничего не дал.

Вполне вероятно, что отдельные медведи прерывают зимний сон и бродяжничают, что, несомненно, является отклонением от стандарта. В нижнем поясе гор кормов достаточно для поддержания сносного существования. В этом плане медведи не одиноки: в оттепели активность проявляют зимоспящие дикобразы и барсуки – их следы на снегу встречаются в радиусе 100 – 150 метров от норы.

В других регионах, расположенных к северу, позднее залегание медведей в берлоги, а также бродяжничество шатунов зимой имеет место в неурожайные по основным кормам годы. Это явление отнюдь не редкое. Встречи зверей, упомянутые здесь, коим предписано спать зимой, зафиксированы в год, когда урожай и основных и сопутствующих кормов был в норме.

Март

Вертолёт летел над заснеженными склонами, вровень с вершинами гор. Сотрудники Гидрометеослужбы, выполнявшие по плану снегомерные съёмки на полигоне, взяли нас, работников заповедника, на борт вертолёта: «Может, что-нибудь разглядите. Мы регулярно летаем – ничего не видим».

Светило солнце, его яркость усиливалась мощным снежным покровом. Лишь скалы своей чернотой выделялись на белом фоне. На скалах обнаружили немногочисленные наброды горных козлов, хотя самих копытных мы не заметили. Блеснув белыми «зеркальцами» на крыльях, взлетели с крутосклонного курума улары. И козлы, и улары в долгую зиму добывают пищу на обнажениях под скалами. Но многие звери и птицы откочёвывают на зиму в среднегорье.

Чёткий одиночный след вёл из скал прямо вниз. Вертолёт летел по своему курсу, и след, моментально возникнув, остался позади. Но вот воздушное судно развернулось, и след вновь попал в поле зрения. Да, несомненно, это был след медведя. Покинув берлогу, а это могла быть пещера, расселина, зверь незамедлительно направился вниз, в призывно чернеющую долину. След подтянулся к обрыву, но и он не остановил кочующего зверя. Цепочка следов дошла до кромки и в том же направлении вытянулась из-под обрыва. С летящего вертолёта трудно было определить высоту прыжка медведя, во всяком случае, не менее пяти метров.

В долине, куда стремился зверь, тепло, а на обнажившихся склонах всегда можно найти корм. Экипаж вертолёта, исполняя свои плановые задачи, не дал возможности проследить все перипетии звериного следа. Но и видимая часть - три – четыре километра следового пути при перепаде высот 3100 – 2400 метров – позволяла утвердительно отнестись к предположению об уходе части медведей на «зимние квартиры» - берлоги в высокогорье.

Апрель

Труден путь в высокогорье в начале апреля. Стоит перейти с солнцепечного склона на затененный, как погружаешься в рыхлый, зернистый снег, промораживающийся каждую ночь и истекающий водой с поверхности либо в солнечный день, либо при

тёплых дождях. Далеко внизу остались заросли цветущих миндалей, алычи, вишенки, спиреи. У верхней границы леса пока что снег по площади преобладает над оголённой поверхностью. На ней сквозь ветошь, сохранившуюся с осени тут и там проросли цветочки весны: крокусы, гусиные луки, леонтицы, юноны, трубкоцветы. В ветреную погоду от некоторых арчей тянутся пыльные шлейфы – арча пылит, закладываются новые плоды-шишкоягоды.

На завалах снега оставил следы медведь. По-видимому, он недавно выбрался из берлоги. А она должна быть где-то выше: в расселине, между крупных камней или под нависшей скалой. Кроме двух лёжек под низкорослыми арчами, медведь временами пристраивался отдыхать на снегу у большого камня – под ним вытаяла солидная яма. Следы обычной весенней кормёжки, как-то: порои всходов эремуруса и тарана, выхваты ветоши, обломанные веточки красного шиповника – не обнаруживались. И даже помёта не было. Разумеется, если медведь не кормился с осени, ему трудно резко сменить режим, в частности начать кормиться. Трудно сказать, сколько дней медведь провёл в сомнамбулическом состоянии, перемещаясь туда-сюда ниже берлоги и прощаясь таким образом с зимней жизнью. Инстинкт погнал его вниз, где можно было начать активную весеннюю жизнь, а это означает кормёжку и ещё раз кормёжку. И так круглые сутки.

На кабана я наткнулся случайно. Точнее, это был не кабан, а его труп. Я преодолевал залежь снега, местами проваливаясь до колена: время перевалило за полдень, наст растопило. Спустившись с затенённого склона с сохранившимся снегом, я с облегчением ступил на плоскую скалу, едва выступающую из щебёнки и мелкозёма. Днище сая густо поросло магалебкой, каркасом и кизильником. В углублении лежал кабан. Я бы сказал: зверь удобно разместился на подогнутых ногах, громадный, совершенно нетронутый, если не считать нескольких дорожек, простриженных в шерсти мышами. Крепкие длинные клыки, мохнатая зимняя шерсть изобличали в нём секача, обычно ведущего уединенный образ жизни. Судя по следам, секачи в одиночку и сдыхают. Поза погибшего говорила, что кабан погиб естественной смертью, так сказать, добровольно, что редко наблюдается в дикой природе. Второй вопрос: почему до него не добрались падальщики – пернатые и наземные. Я прикинул: примыкающие склоны ограничивают небесную сферу, сектор обзора не превышает 50 – 60 градусов, но и эти градусы сверху закрыты кронами деревьев и кустарников, пусть даже безлистными ранней весной. А потому обвинять крылатых падальщиков – санитаров: сипов, грифов, стервятников – в недобросовестности нет оснований. Тепла ещё не было, и труп, не выдавая себя запахами разложения, не привлекал лисиц, барсуков и прочих охочих до мёртвой плоти существ.

Повторно посетить место успокоения кабана я имел возможность только через неделю. «Туда ли я попал?» - приглядывался я и не узнавал. Снег, конечно, сошёл, появились листочки в кронах яблони, каркаса. У алычи вместе с листьями распустились цветки, как бы приглашая диких насекомых для опыления. Но не это изменило обстановку. Труп кабана был съеден, расхищен, крупные кости разбросаны. По следам можно определить, что поусердствовал медведь, а на последней стадии к нему примкнули грифы, сипы, вороны, которые издавна догадались о поживе по поведению медведя.

Я походил вокруг остатков пиршества. Лишь позвоночный столб кабана оставался на месте. Кости ног и голова валялись поодаль. Прошлогодняя трава-ветошь выбита – столько было следов пернатых и наземных падальщиков. Но везде просматривались крупные следы медведя. След крупный, значит, и зверь большой, возрастом более четырёх лет. А вот и его лёжка под арчей. Медведь не отходил от свалившейся на него благодати на тридцать метров. От лёжки во все стороны натоптаны тропки: медведь отгонял приближающихся к добыче (к его добыче!) охочих падальщиков. Противостояние длилось всего неделю, пока не исчез источник корма. Ушёл и медведь добывать другие «хлеба». Но ещё долго будет в своих странствиях сворачивать к приметному месту: «Авось, ещё плоть выросла!» Но побуревшие кости начали обрабатывать, крошить мыши и полёвки.

В конце апреля долина Терекли занята снежными отложениями – остатками лавин, прекратившими в своё время стремительный бег на берегах речки. Сама речка иногда напоминала о себе шумом текущей воды в местах, где истончался снег. Снежные отложения поражали своей белизной. Пройдёт срок – месяц-полтора, – и поверхность снега зачернеет от вытаявшего мусора. А пока что весна властвовала рядом со снежными завалами. Цвели безвременники, гусиные луки, хохлатки, пролески. Раскрылись почки и началось облиствение у жимолости, кизильника, спиреи. Прошлогодняя ветошь постепенно закрывалась зелёной травой.

Мы втроём на лошадях поднимались в верховья реки. Снег, уплотнённый при сходе лавины, выдерживал тяжесть лошади с всадником. Впереди обнаружились тёмные предметы. Подъехав к тёмному пятну, обнаружили, что кто-то вырыл яму. Прошло около десяти дней, следы подтаяли, поэтому нельзя было установить, кто нанюхал в снежной толще труп горного козла: всё-таки глубина ямы – полтора-два метра. Кости разбросаны в радиусе три – пять метров, куски шкурки и плоть измочалены. Совсем недавно к остаткам козла подходил медведь, но наследил мало. Кости – остатки трупа – его почему-то не заинтересовали: ничем не пахнут, то ли съедобной плоти почти не осталось. Зверь ушёл своими следами обратно на обнажённый склон. Может, это он раньше вырыл из снежной толщи труп копытного?

Май

Погибла жеребая кобыла. Не смогла разродиться, несмотря на все ухищрения и вспомогательные действия, на которые был горазд табунщик заповедника. У конюшни, пустой в весеннее время, труп страдальцы и решили закопать, так как убрать его подальше не было никакой возможности. Привлечённые к работе лесники смогли углубить яму на два метра, глубже – скала. Труп засыпали мелкозёмом и щебёнкой, сверху наворочали пяти-шестипудовые обомки скал – этого материала в округе было с избытком.

Через неделю «с инспекторской проверкой» пришёл медведь. Зверь чует падаль сквозь толщу любой насыпки, будь то снег, песок или вязкая глина. Ради такого деликатеса, каким является для мишки падаль, хищнику пришлось немного поработать. Камни в сторону, лапами пробурил мелкозём и, ухватившись зубами, извлёк свой корм на поверхность. Всю ночь шло пиршество. Под утро медведь, если судить по следам –

довольно крупный, ушёл на отдых в ближайший глубокий сай. В следующую ночь медведь повторил свой подход. Шум и гам доносились до людей, проживавших в то время в ста метрах в домиках полевой базы. Оказывается, хищник всю ночь отгонял от своей «добычи» табунок кабанов, и попутно кормился. Кабаны, охочие до падали, дорвались до дармового корма только под утро, когда «хозяин» откочевал восвояси.. Кто кого гоняет: медведь кабанов или кабан-секач медведя разрешается в каждом конкретном случае. В данном эпизоде медведь чувствовал себя хозяином, поэтому не спускал копытным.

Кобылу, конечно, списали, сняли с баланса хозяйства. Но ещё полгода табунщик каждый день переживал, обзорева лошадиные кости – немой и безосновательный укор его низкой квалификации.

Ясный, солнечный день, какой редко бывает весной у верхней границы леса. У кустарников и деревьев – праздник цветов. Дружно цветут боярышники, жимолости, кизильники, караганы, курчавки. Белые, светло-розовые, жёлтые цветки украшают шиповники, скрывая их крепкие колючки. Доцветают клёны, яблони, вишенки, каркасы, барбарисы, рябины, прячутся в тени блеклые цветки бересклетов. Листья на деревьях и кустарниках окрепли, их весенняя изумрудная окраска сменилась на летнюю, светло-зелёную. Лесной полог в куртинах, кущах деревьев сомкнулся – этим началось лето. Конвейером цветут ферулы: ферула тонкорассечённая доцветает и буреет, а ферула чимганская замыкает конвейер. Чередой цветут зверобои: вначале зверобой удлинённый, затем – шероховатый, последний – зверобой продырявленный. Последней из вик-горошков цветёт вика тонколистная: этот срок принят за начало лета.

Мы медленно поднимаемся в верховья Сарытопракся. Тропа извивается между скал, временами выходит на плоские седловины. Каменистая почва уже в мае кажется сухой. И тем удивительнее встретить здесь покопку: у самой тропы зияла яма диаметром метра полтора и глубиной до метра. Засохшие листья, соцветия и стебли, валявшиеся у ямы, не вызвали сомнений в её происхождении: корень ревеня добывал медведь. Зверь аккуратно подобрал корни и мелкие корешки. Наверняка, съел с прилипшими комочками земли.

Почти рядом с ямой обнаружился помёт «хозяина». Съеденная травяная масса трудно различается по видам, так как изначально она мягкая, несформировавшаяся, не в пример летним образцам. К тому же прошла сквозь медвежий кишечник, пусть даже короткий. Лишь три – четыре вида можно определить достоверно: луки, тюльпаны, эремурусы. Преобладали листья и стебли тарана и, конечно остатки корней и корневищ ревеня. Несомненно, корни в помёте были из другой ямы.

Низкая калорийность травяной массы и корешков, почти полное расходование осенних запасов жира на «текущие нужды» вынуждает медведя круглосуточно кормиться. Отдыхает он временами: в сильный дождь или, встретив лёжку, которую когда-либо использовал. Желудочно-кишечный тракт зверя-хищника работает напряжённо, и, как результат, на выходе системы – до десяти литров фекалий за «один присест». Все встречи медведя в эту пору – это кормёжка, кормёжка. Зверь кормится либо на месте, либо при медленном движении. Забот у медведя в первую половину мая как

будто и нет: гон начнётся через две-три недели, нажировка, устройство берлоги – где-то в отдалённом будущем. Насыщайся, а медведицам попутно – воспитывай потомство!

Мы с метеонаблюдателем сидели у суммарного осадкомера, треногой упиравшегося в землю на плоском гребне. Только что завершён майский отбор осадков из конуса-накопителя и их замер. Мы отдыхали после трудной работы. Лошади паслись неподалёку, в низине, привязанные на аркан. Вокруг простирались луга из тарана, ястребинки и злаков – типичный ландшафт у нижней границы высокогорья. На лугах отцветают первоцветы: трубкоцвет, тюльпан, пролеска. Набирают в цветении заметные издали зверобой, катран, лапчатка, мытник. Мало заметны в цветении ферула, прямохвостник, ревень. В травостое прячутся ясколки, мятлики. Некоторые пышноцветущие травы готовятся к празднику цветов, а пока что у них только показались бутоны: у вики, эремуруса, остролодочника, астрагала. У скал и крупных камней гнездятся редкими кустами жимолость, рябина, смородина, барбарис. Их весеннее состояние – цветение.

Напарник громким шёпотом «окликнул» меня и показал на склон. По тарановому лугу вышагивали, соблюдая десяти – пятнадцатиметровый интервал, два медведя. Сократить промежуток не позволял передний зверь: по поведению это была, несомненно, самка, медведица. Ведомый – огромный, костлявый, рыжеватой окраски зверь. Он стремился приблизиться к медведице, которая всем своим видом показывала, что общество костлявого кавалера ей порядком надоело. Вот медведица заинтересовалась рослым зонтичным растением. Пройдя два шага, приостановилась, отправила в пасть пучок злаков. Медведь топтался в отдалении: ему не до злаков.

Странная процессия размеренным шагом продефилировала мимо осадкомера, мимо нас. Несомненно, мы оказались свидетелями медвежьей «свадьбы», точнее, первого её этапа. На начальной стадии гона самка активно разыскивает себе партнёра, перемещается из одного участка в соседний участок, где «хозяином» уже будет другой самец. «Разборчивая невеста» может быстро закончить поиски или же кружит неделями по соседним горам и долинам. Естественно, все встреченные, а затем забракованные самцы считают себя уязвлёнными и примыкают к процессии, затрудняя и без того нелёгкую жизнь «хозяина» участка: ему приходится отгонять конкурентов, если они непозволительно сократят интервал. Между зверями происходят стычки до «первой крови», что является признаком «неконкурентноспособности» пострадавшего – он выходит из борьбы.

Перевалив очередной гребень, тропа вывела на уплощённый склон, заросший мелким кустарником: спиреей, шиповником, вишенкой. У кустарников самое время цветения.

Мы с напарником, инспектором охраны, медленно поднимались по тропе на лошадях. В горах быстрый аллюр не подходящий – лошадь, да и седок быстро устают. Лошадь – не пеший человек, она стучит копытами, фыркает, дышит с шумом. Летят камни, шуршит разросшийся у тропы кустарник. Тем неожиданнее было увидеть в неглубоком ложке–сае медведя.

- Медведица приметная: очень у неё светлая окраска. – уверенно высказался мой спутник. – Как проезжаю здесь, она каждый раз поблизости кормится вместе с

медвежонком. В прошлом году он был малышом – сеголетком, нынче – лончак-прошлогодок. Сейчас его нет. Я объяснил: может, мать отогнала, может сам во взрослую жизнь отошёл, может, держится поблизости в ста – двухстах метрах.

Информации о частых встречах в одном месте пришлось поверить на слово. Строгая приуроченность к одному месту, мне кажется, редкая для наших медведей. Как и многие крупные горные позвоночные, медведи постоянно перемещаются в поисках корма, полового партнёра, удобного места для берлоги, а также с целью избежать очередной угрозы. Индивидуальные участки имеют взрослые медведи и то только в период с апреля по июль, то есть после выхода из берлоги и до начала горизонтальных кочёвок в поисках мест, богатых урожаем плодовых. Высокогорные «хозяева» перемещаются вниз, в заросли плодовых кустарников и деревьев. Как установлено исследованиями, лончаки – прошлогодки покидают мать, устремляются на поиски свободных участков либо ищут подходящего, «смирного» хозяина, терпимо относящегося к «квартирантам» – младшим собратьям. Высшее проявление терпимости к меньшим братьям, – это совместная кормёжка и передвижение самцов, четырёхлетка и двухлетка, что отражено в ряде печатных работ. Метки, свидетельствующие о принадлежности территории владельцу, – это набитые тропы, следовые дорожки, скусы кормовых растений, водопои – лужи, «ванны», экскременты, мочевые точки. Всё это присуще в деталях каждому индивидууму. Очень редка метка, когда следы углубляются: медведь при ходьбе выворачивает-крутит лапами. Такая ходьба нам попала на глаза лишь однажды: эта дополнительная информация потребовалась, надо полагать, чтобы указать назойливому пришельцу его место в иерархии. Другие медведи, наткнувшись на метки, принимают «решение»: не обращать внимания или даже приблизиться либо сторонкой-сторонкой уйти подальше.

При высокой плотности медведей (подвид белокоготный), как это имеет место в Чаткальском заповеднике, медведи высокогорья уже не стремятся в середине лета в уголья среднегорного пояса – там свои «хозяева» – они не потерпят пищевых конкурентов. Как-то я попросил лаборанта с большим стажем работы в заповеднике отметить на схемке места встреч медведей. Результатом явилась расчерченная чуть ли не на равные площади карта индивидуальных («закреплённых») участков без привязки к гребням хребтов и линиям гидрологической сети. В оправдание «чертёжник» выдвинул довод, что одного и того же зверя он видел несколько раз, а медведей в заповедном участке насчитали двадцать штук. Вот он каждому «подарил» по маленькому владению.

Хотелось бы принять предложенный вариант – уж больно привлекателен. Жаль не соответствует действительности. Так, при средней плотности на 1000 га 1,5 – 1,7 особей однажды летом на площади 1,5 тысячи га (границы взяты по гребням) отмечено четыре кормящихся зверя, а если приплюсовать медвежонка – то пять, то есть наблюдаемая плотность на этом участке оказалась гораздо выше «расчётной».

Июнь

Скала раздалась в стороны, образовала навес над тропой. Проезжая по ней, мы каждый раз приостанавливались и рассматривали следы, которые оставили животные на истоптанном в пыль мелкозёме.

В нише был устроен солонец. Кто-то, не подумав, предложил высыпать соль под защитой скалы, – мол, дождь не вымоет. Однако обнаружилось, что зверям и птицам, поглощающим какой-то материал: на солонце, на водопое, при кормёжке – необходимо время от времени озиаться. Так уж устроена психика, хотя порой врагов и в помине нет. Солонец забросили, то есть перестали подновлять. Тем не менее, какая ни есть клиентура у него не убавилась.

Вот и сейчас, подъезжая, мы спугнули с солонца пару горлиц, несколько овсянок и дроздов. Основные посетители – горные козлы. Они приходили, если судить по свежести следов, несколько суток назад. Их наброды перекрывали чёткие отпечатки крупного медведя. Как установлено, между шириной пятки передней ноги (так называемой, пальмарной мозоли) и размерами медведя есть достаточно тесная связь. На солонце ширина пальмарной мозоли или, грубо говоря, ширина следа передней лапы составляла 13 – 14 см. Медведь, в этот период, будучи в основном травоядным, ходил на солонец не из любопытства: он грыз просолённый грунт. Козлам в мае – июне требуется, можно сказать, ежедневное посещение источника соли, медведь утолять солевой голод ходит менее часто. В совместном «пользовании» могут быть кабаньи купалки. Правда, после кабанов купалки превращаются в грязевые «ванны». Для медведя они привлекательны, так как помогают избавиться не только от кожных отходов и паразитов, но и линных волос.

В пору раннего лета в горах часто выпадают дни и целые недели с пасмурной, дождливой погодой. От непрерывных дождей и холодных туманов набухает влагой почва, зеленеет и источает каплю за каплей мох на скалах. Переполненная водой речка дымится на перекатах, вода из основного русла устремляется в боковые. Низко нависают тёмные, клочкастые тучи, по склонам стелется туман – ничего не видно.

В такое время идёшь по тропе с удвоенной осторожностью, надеясь на редкую встречу – удачу. С крутого склона посыпались крупные камни, – это, нисколько не заботясь о маскировке, вышагивает своей, звериной тропой медведь. Окрас зверя палевый, цвета высыхающей травы и окружающих скал. Лапы с намокшей и прилипшей шерстью несоразмерно тощи по сравнению с распушенным шёрстным покровом на теле. Крупная голова раз за разом клонится к земле – медведь по-коровьи скусывает стебли трав.

Дождь временно прекратился, на склоны напал туман. Я рискнул пройти по следам медведя, который в двухстах метрах от меня скрылся за гребнем. Растительность на склоне, обращенном к солнцу, состоит из сухолюбивых – ксерофитов и рано высыхающих эфемероидов. Доцветают злаки: неравноцветники, полевички, эгилопсы; из бобовых цветут астрагалы и остролодочники. К длительноцветущим относятся шлемники, крупины, льнянки, гвоздики, васильки – у них цветение только началось. У жимолости покраснели редкие плоды.

Кормящийся медведь оставил прерывистые следы на мелкозёме, кое-где примял и сломал стебельки трав. По кусам и поедям можно установить, что медведь отдаёт предпочтение мятликам и кострам, которые уже начали терять свежесть. Сюда медведь и не стремился, по-видимому, склон южной экспозиции (конгай) оказался для зверя на пути. Как доказательство, на тропе высилась впечатляющая куча экскрементов. Помёт почти целиком состоял из слегка затронутой пищеварением ферулы. Ферула на этом

склоне не встречается, её зверь нахватался в низине, где отдельные виды ещё сохраняют свежесть.

На склоне северной экспозиции (тескае), где среди редких кустарников торчат зелёными конусами деревья арчи, травянистые растения достигли своего максимального роста, началось их массовое цветение. Заканчивают цветение злаки: тимофеевки, мятлики, тонконоги – их цветки малозаметны. В полном цветении жёлтые зверобои, бессмертники, бузульники, лапчатки; в травостое прячется душица с бледно-сиреневыми, невзрачными цветками. Все кустарники уже отцвели; кое-где лишь доцветают поздноцветущие виды шиповников. У алычи, кизильника, боярышника, жимолости наливаются плоды, хотя до полного созревания их ещё месяцы.

На этом склоне следы медведя отпечатались более чётко, чем на солнцепечном склоне: травостой пригнут, дождевая влага обрушена, на мелкозёме местами просматривались отпечатки лап хищника. Разумеется, на затенённом склоне корма для медведя более разнообразны. По ходу зверя оказались два рослых стебля паралигустикума: один из них он обломал и пустил в пищу, другой, заломанный, сиротливо повис на кожице, источая обильный сок. В зарослях ежи медведь лапой собрал побелевшие от пыльцы соцветия, отправил их в пасть, изжевал, высосал и жеванку – около одного литра – выплюнул. Некоторые жеванки побывали в желудке, поскольку, как установлено, отрывание пищевого комка для медведя так же естественно, как и испражнение.

Казалось, что могло заинтересовать зверя на обнажении, куда он, судя по следам, направился из зарослей кустарников? Когти лап через полметра – метр продырявили увлажненную от дождей глинистую корку. А вот и цель его отклонения от маршрута: медведь лапой выцарапал усохший тюльпан, стебелёк с коробочкой – плодом выбросил, ценную луковицу вместе с комочками приставшей земли съел. Через три метра (ближе тюльпаны не росли) зверь повторил операцию. Так медведь прошествовал по обнажению, длиной в двести метров, прилепившемся к склону. Там, где было влажно, его лапы выдрали объёмистый клубень «олги» - корольковии Северцова. Это сколько же надо вырыть луковичек и клубеньков, чтобы набить необъятную утробу, какую имеет медведь?! Видимо, у зверя был разгрузочный день, тем более, что он был сыт вчерашней ферулой (хотя какая сытость от травы?) и мог уделить время мелким деликатесам.

Спустившись в сай, я наткнулся на ночную «работу» медведя. Если судить по следам, медведь был всё тот же. Будучи хищником, медведь всё же предпочитает животную пищу растительной. Однако растительная пища в его меню преобладает. Причина банальная: животные корма попадают ему редко. Ходить и выискивать – ему просто лень. А растения – вот они, под ногами. В прошедшую ночь на коротком отрезке поймы зверь перевернул около двухсот крупных и мелких камней-булыжников, выискивая дождевых червей, моллюсков, личинок насекомых. По рассказам, медведь чует живность под валуном или мышиное гнездо за три – пять метров. Так и кажется, что слабовольный медведь потрафил своему вкусу: затратил ночь и добыл килограмм – другой животной плоти. Хотя, конечно, в гоне, который в это время в разгаре, он не участвовал, поэтому времени у него было достаточно. В пасмурную погоду медведь в

состоянии бодрствовать круглосуточно, лишь на короткое время располагается на отдых на встречающихся лёжках, когда-то им отстроенных.

Лёжки медведя (на них несколько раз я натыкался) мало чем отличаются от кабаньих. Их назначение – пережидать дневную жару. Все они, как правило, располагаются под кронами арчей, реже клёнов. Ветви деревьев свисают до самой земли. Зверь углубляет лёжку и выстилает её травой, веточками. Медведь зубами и когтями снимает со стволов арчи полоски коры, укладывает их на ложе. Некоторые хищники довольствуются кабаньими лёжками без каких-нибудь усовершенствований. В таком случае, следы на тропах говорят о том, что прибежище имеет двух разных хозяев.

С наступлением засухи дневной отдых удлиняется до нескольких часов, хотя у отдельных зверей могут быть и короткие перерывы – на 20 – 40 минут. Как рассказывают, во время отдыха зверя может одолеть весьма крепкий сон. Обычная поза при этом – на животе, положив голову на передние лапы, реже – на боку или на спине.

Гребень расширился, стал плоским, травостой удлинился, помягчел, стебли отдельных растений переплелись. По тропе, которая временами исчезала, стало трудно идти: ноги заплетались в высокой траве. Я поднимался в гору, и всякие затруднения моментально понижали скорость передвижения, да и настроение снижалось.

В стороне от тропы, в понижении, где трава была гуще и мягче, обнаружились помятые места. Пожалуй, здесь ночью катались или просто лежали медведи. Это была гонная пара. Да вот и они сами – всего в трёхстах метрах через неглубокий сай. Медведи были довольно крупные, палево-рыжей окраски.

Звери стояли на маленькой поляне, стиснутой скалами и осыпями. В центре её высились заросли борщевика, дудника, бузульника, мяты, полевицы, переплетённые викой и чиной. В высокотравье изредка просматривались растения осоки, хвоща, лука.

Звери кормились, точнее, один из них, вероятно, самка. Она рвала зубами дудки борщевика. Другой зверь, вероятно, самец, вёл себя беспокойно: озирался, принюхивался, пытался подойти к самке, но в результате получил пощёчину. Вдруг он сорвался с места и ринулся поперёк склона. Оказывается, к ним пытался приблизиться ещё один медведь, средний по размерам. Не добежав к конкуренту пять – шесть метров, «хозяин» затормозил всеми четырьмя лапами. Но и этого было достаточно, чтобы чужак опрометью ухнул в ближний сай, сбивая камни на своём пути и круша рыхлое высокотравье. Вообще, по рассказам, в гонную пору у одной самки скапливается до пяти – семи самцов, но отношения между ними мирные. «Хозяин» индивидуального участка берёт на себя роль регулятора: он устанавливает безопасное, по его мнению, расстояние между ядром, к которому он причисляет себя с медведицей (она тоже забрела на его участок на период гона), и остальной медвежьей кодрой.

Кормясь, медведица отдавала предпочтение зонтичным: борщевiku и дуднику, выедала их хрупкие, сочные стебли, не трогая листьев и соцветий. В небольшом количестве для пробы она брала в пасть и другие травы.

Минуя мелкие скалы, звери перешли на уплощенный склон. Медведи «решили», что это самое лучшее место для отдыха. Медведица прилегла на брюхо, перевернулась на спину, покаталась, умяв порядочный кусок поляны. В стороне катался, приминал траву её спутник.

Рядом, в затененном ущелье горбом дыбился подтаявший снег от сошедшей зимой лавины. Звери подошли, постояли на снегу, затем, упёршись всеми четырьмя лапами, прокатились с горки. На ровном месте опять улеглись отдыхать, на этот раз брюхом вниз, чтобы охладиться. Звери встали, вначале самка, следом медведь, тронулись вниз по саю, несколько раз их головы и спины показывались на глаза, пока не скрылись окончательно.

В период гона страсти, инстинкт продолжения рода подавляет все другие жизненные проявления. Гонные звери отдыхают урывками, каждый отдых – не более получаса.

Во второй, июньский период гона происходит спаривание. Свидетелей тому мало, хотя партнёры и не прячутся при этом. Вот как описывается эта сторона жизни медведей. «Самец прыжками догнал медведицу, та остановилась, повернув к нему голову. Медведь обхватил её передними лапами за брюхо. Самка стояла, чуть опустив круп. Она дважды поворачивала голову к самцу, огрызалась, но каждый раз самец касался мордой её головы, и самка успокаивалась. Спаривание продолжалось семь минут».

Июль

Лето в высокогорье – прекрасная пора. Прибавилось тепла, даже в высокогорье в пасмурный день температура не понижается. Склоны одеты пышным травостоем – все растения цветут. Большинство позвоночных животных, покончив с линькой и маломальски приучив потомство к самостоятельной жизни, лениво благоденствует, чередуя кормёжку и отдых.

Ясным, солнечным днём я на коне пробирался в верховья Терексая. Пойменный лес остался внизу, скалы и курумы на склонах чередовались с тарановыми и гераневыми лугами с богатым разнотравьем. Июль – время массового цветения трав в высокогорье. Цветёт зверобой, в некоторые годы его жёлтыми цветками, жёлтым цветом сплошь залиты склоны. За стеной высокотравья прячет пунцовые цветки пион. Бывшие промоины прикрыты ковром приземистого темно-синего лаготиса. Между скал захватил пространство шлемник с сочными жёлтыми цветками и ярко-зелёной листвой. Ложе сая прикрывали нескончаемыми залежами остатки снежных лавин. Местами снежный покров разрывался, из прорех доносился шум быстротекущей воды.

Конь настроился на длительный подъём, неторопливо вышагивал по тропе. Но вот мерин наострил уши и уставился вперёд – чуть в сторону. Я присмотрелся. Действительно, коню была причина задержать своё внимание, предмет разглядывания был серьёзный. Впереди, в зарослях кустарника я обнаружил кормящуюся медведицу с медвежонком. Плотная, с пушистым мехом мамаша, стоя на задних лапах, притягивала передними веточки жимолости и собирала пастью редкие ягоды. У жимолости Альтмана, первой среди кустарников, созревают сочные ягоды. По-видимому, у медведей они считаются деликатесом. Звери нас не заметили. Если мамаша питалась, не отрываясь, то медвежонку, который был величиной с овечку, «ягодный стол» не удавался. Пока он дотягивался до веточки, все ягоды осыпались. Детёныш крутился рядом, мешал своей родительнице. Звери неспешно передвигались. За пять минут, пока я наблюдал, медвежья семейка скрылась за скалой.

Тропа вывела к саю и скрылась под снежным завалом, сохранившимся от зимней лавины до самой середины лета. Я знал, что снежная толща от бегущей воды подтаивает, в результате образуются полости многометровой высоты. Были случаи – конь с седоком проваливался. Так что я – весь внимание. Конь остановился, причина – в пятидесяти метрах полусидел – полулежал небольшой, по всей видимости, молодой медведь. Зверь разглядывал нас, не проявляя опасений. «Раньше не встречался с человеком», – мелькнула мысль. Я разглядывал в бинокль: чёрный, приносящийся носик, близко посаженные маленькие глаза, белый «галстук», на спине коричневая, с отливом шерсть, местами измазанная грязью. Минут пять мы (включая коня) разглядывали друг друга. Нет, медведь не намерен ни пугаться, ни убегать, чему подтверждение – ленивая барская поза.

Я поехал дальше, оставляя зверя в стороне. Оглянулся: медведь потерял к нам интерес, работал лапами, выкапывая какой-то корешок. Я возвращался спустя пять часов, медведя, разумеется, на этом месте не обнаружил. Прошёлся по следам. Звериный путь (а он хорошо был замечен по примятой, местами полегшей траве) пролегал через тарановые, гераневые, злаковые луга, осыпи – обнажения, в одном месте захватил мочажину, в другом – плоскую скалу. Дважды в поле зрения попадал помёт зверя: преобладали остатки ферулы и тарана. Среди поедой и обломков растений, не попавших в желудок зверя, я разобрал по видам: таран, ежа, ферула, лапчатка, лук, остролодочник, осока, мятлик, паралигустикум (встречается редко), а на мочажине у быстро текущего ручья – кисличка-оксирия, сныть, дудник, герань. Чего-то было много, а некоторые травы попадали в желудок случайно. Как выяснено, у каждого зверя-индивидуума свои привязанности к тому или иному составу кормов. Вот, хотя бы взять ремень, который также именуется кисличкой. В мае в среднегорье он один из ведущих кормов, а в высокогорье, как показали следы встреченных нами медведей, копаные ямы для извлечения кормов ремня редкость: возможно, всё ценное из корней и корневищ ушло в стебли, соцветия, и медведь изменил отношение к этому корешку. Возможно также, другие травы по сочности затмили ремень.

Тут и там разбросаны комки жёванки из соцветий ежи. Некоторые комки, возможно, достигли желудка, потом отрыгивались.

И совсем непонятно, в помёте медведя, как в среднегорье, так и в высокогорье, встречаются остатки ядовитых растений. Непонятно до тех пор, пока в помёте не появляются выбросы глистов, которые, оказывается, донимают зверя, снижают его жизненный тонус.

Я поднимался по тропе, присматривался к следам, приглядывался к помёту хищников. Тропа совпадала с границей заповедника и была проложена по гребню отрога хребта. На гребне растительность изреженная, пастбищная: колючая кузинуя, терпко пахнущая зизифора, приземистые шиповники.

Закончились летние ливни. Порыжели склоны от летней засухи, в том числе и на заповедной территории. Бросается в глаза летнее побурение листвы кустарников, растущих на конгаях: миндаля, вишенки, курчавки, боярки, жимолости, спиреи. Загрели на ветру высохшие листья девясилы, зопника, кузинии. Поникли, превратились в ветошь высокие, тонкие стебли злаков: ячменя, костра; опали ещё недавно упругие стебли

эремурусов. Ветром унесены или сильно «подчищены» клоны ферулы и ревеня. В тени кустарников на северных, затененных склонах сохраняют свежесть бузульник, сныть, пижма, ястребинка, смолёвка – оберна, вика.

На сопредельной с заповедником территории выпасались без какого-либо присмотра бычки и нетели из кишлака, расположенного в пяти километрах в долине. Бычки, предпочитая одиночный образ жизни, щипали травку по потребности, спускались в сай напиться, в жару отлёживались в тени. И так всё лето. Одно плохо: скота было много, а в этих условиях возрастали различные патологии – это закон жизни. Отсюда проистекает повышенная смертность скота. Владельцы никогда не занимаются ликвидацией трупов, надеясь на то, что сипы-грифы всю дохлятину пропустят через свой кишечник.

Промытое дождями, каменистое ложе тропы сменилось участком мелкозёма – тропа вышла на относительно ровное место. На мелкозёме чётко отпечатались медвежьи следы: крупные – от медведицы, мелкие – от медвежат-сеголетков (их, по-видимому, было два). Почему-то медвежья семейка толкалась на одном месте: кругами бегали – играли медвежата, мамаша как будто стояла на одном месте. Что-то привлекало зверей и в тоже время сдерживало их. Черневшее впереди, среди бурой травы пятно превратилось в корову, точнее, в труп нетели. Труп улежался на относительно ровной терраске – тропе, хотя животное сдохло выше, у скал: его перекапывали в пылу кормёжки крупные пернатые падальщики – сипы и грифы. Вот и сейчас, от падали нехотя поднялись два стервятника и чёрный гриф. Из выеденной полости у задних ног выскочила маленькая лисица (лисёнок?). В толке следов выявились прерывистые отпечатки, принадлежащие, по-видимому, медведю средней величины. Его-то и опасалась медведица, оберегая своих отпрысков. Самец появился у падали раньше, поэтому в медвежьей иерархии считался хозяином. Самке ничего не оставалось, как ретироваться с детёнышами. Она, конечно, ещё вернётся к туше и, возможно, сумеет не допустить к «добыче» самца. Приоритет, как правило, остаётся за медведицами, даже при поглощении растительной пищи на лугах.

Кормясь у падали домашнего скота, медведи поневоле превращаются в носителей болезней и для диких копытных животных. Хищники, выходя за пределы заповедника, рискуют попасть в браконьерскую петлю из троса или под выстрел.

А пока что днём в самую жару медведи отдыхают. Даже имея такой «зверский» аппетит, хищники-падальщики вынуждены прерывать занятия по поглощению мёртвой плоти для того, чтобы содержимое желудка усвоилось. Активность медведей наибольшая в утренние и вечерние часы. Как в жару, так и среди ночи, медведи в летние месяцы отдыхают, оправдывая приклеенный им ярлык ленивого животного.

Ветви старой арчи свисали до самой земли. Прочистка идущей рядом тропы десять лет назад открыла выемку в плотной кроне. На толстом стволе обнаружилось «окно», ведущее в дупло. Форточка соответствовала квадрату; она, несомненно, была вырублена – выпилена человеком, добывавшим продукцию из гнезда пчёл: выломанные соты с мёдом, пергой, личинками пчёл. Опустошенное несколько десятилетий назад гнездо уже не пригодно для заселения другими пчёлами – слишком большое отверстие – «леток» в дупло. Бортничеством ныне никто не занимается – не выгодно никому, даже браконьерам.

Только мы отъехали от арчи с заброшенным гнездом пчёл, как увидели «поломку». В стороне от тропы, в небольшой скале выемку с одним отверстием заселили в прошлом году (возможно, в нынешнем) трудолюбивые насекомые. К середине лета образовался запас мёда. На беспрерывно вылетающих за взятком пчёл обратил внимание проходивший в двухстах метрах медведь. Силушки ему не занимать: зверь разбросал каменный рухляк, добрался до гнезда и, не обращая внимания на болезненные укусы пчёл, выцарапал всё его содержимое. Жирный блеск от воска на помёте, вкрапинами содержащего кусочки хитина, - эти признаки указывали, что медведь держался у разоренного гнезда и день, и два, надеясь, по простоте своей, на то, что в каменной расселине вновь появится мёд.

Несколько лет назад до описанного случая мне довелось побывать на пасеке, которую «возлюбил» медведь. На нас обрушился пчеловод:

- Когда директор пришлёт транспорт для перевозки пасеки? Скоро от неё ничего не останется.

Неувязки между дирекцией предприятия и его работниками медведю ни к чему: он любит мёд, что даже закрепилось в русском (и других языках) названии зверя. У трёх ульев боковые стенки были «зверски» выломаны. Как-то странно было видеть жизнь пчёл в улье, не снимая его крышки. Выяснилось, что еженощно появляется медведь, средний по размерам, берёт улей в охапку и несёт его в соседнюю рощицу. Лётные пчёлы из разгромленного ящика слетаются обратно, не найдя своего улья, разбредаются по чужим семьям, привнося беспокойство в налаженный быт и ритм. Матка с частью нелётных пчёл, разумеется, гибнет на месте разбоя. В общем – ни ящика, ни пчелиной семьи. Пчеловоду остаётся всю ночь шуметь, стрелять в воздух. Но медведь уже разобрался, что опасность ему не грозит. Один ящик, стоящий в сторонке без пчёл, с пасечным инвентарём и, соответственно, с пасечным запахом, был унесён медведем и разломан на мелкие дощечки: любитель сладкого таким способом выискивал, куда же запропастился мёд?

Пасеку в конце концов вывезли, медведю, специалисту по мёду, пришлось искать другой деликатес – заменитель мёда.

Тропа завела в редкостойный березняк. Казалось бы, человек, выбирая себе путь, должен был здесь задать прямое направление для тропы. Однако ей пришлось виллять, чему виной упавшие стволы: коню легче обходить их с комля или вершины, чем прыгать через них. Человек с пилой приходит сюда редко – раз в три – пять лет.

Медведь ленив, и его многократные следы повторяют все изгибы конной тропы. Но вот его следы свернули. Если тропой пользуется один медведь, то она приобретает своеобразный вид: это отдельные следы, вдавленные в почву. Видимо, «шаговитость» отработана в каждом конкретном случае до автоматизма.

Родник слабо выбивался из-под корней берёзы, и кабаны «оборудовали» купалку, то есть расширили водоём под свои тела. По соседству упавший толстый ствол использовался для чесания: кора с него слезла, вытертая боками древесины глянцеви́то блестела. Пень, высотой более двух метров, сохранил кору-бересту, но был весь в грязи. Из грязи торчали клочья шерсти и отдельные волосья. Кабанам на два метра не дотянуться; это «работа» медведя. Задиры, закусы, расчёсы на деревьях – своеобразные метки медведя – в наших горах не встречаются. А вот стволы – щётки от грязи, стволы для

почёсывания спины – это найдётся у каждой купалки, а при их отсутствии - к услугам медведя крупные камни.

Месяц – полтора месяца назад родник давал мощную струю, и медведь использовал его воду для питья и как ванну для охлаждения. Ныне лужа уменьшилась в размерах, и вряд ли медведь добывает влагу, процеживая грязь сквозь зубы. Ванна превратилась в грязевую, «для здоровья» - очищать кожу от вредителей, клочьев линялых волос. Линька у медведя закончилась, так что «курс лечения» с помощью ванн также завершается. Медведи должны проявить старание, так как плотная шерсть крепко держит разного рода нечисть. Ванну посещают и другие медведи, изредка наведывающиеся на участок (если не встретит «хозяин»). В летнюю засуху медведи предпочитают купаться в речной воде, а в высокогорье – кататься на снегу, чем валяться в грязи.

Август

Медвежьи следы, чёткие на пыльной тропе и отмеченные большой кучей помёта, свернули с тропы и перешли на освещённый (солнцепечный) склон. На медленном ходу медведь скусывал стебельки трав, обычных в высокогорье: овсяницы, мятлика, бескильницы, астрагала, горца. Следы были свежие: медведь прошёл несколько часов назад.

Мы, вдвоём с напарником, обследовали сурчиные уголья: сколько жилых нор, сколько в среднем в норе квартирует сурков, какие корма предпочтительнее для сурка в данном урочище. По мере нашего прохода волна криков перекатывалась по сурчиному поселению. Встретилось обнажение: это десятилетие назад хищник (возможно, родственник встреченных нами медведей) пытался достать сурка из глубокой и длинной – до полутора десятков метров – норы. Но, по-видимому, неудачно: яма, глубиной полтора метра, заброшена медведем, а сама нора впоследствии покинута сурками. Медведь, если повезёт, может добыть сурка из мелкой – летней, или кормовой – норы. Поэтому так редки глубокие раскопки в поселениях сурков: зачем силу тратить зря?! В других регионах сурки (имеется в виду длиннохвостый) более доступны медведю: у некоторых, отстрелянных по той или иной причине хищников (как об этом заявляется печатно) желудки заполнены мясом сурков. Но и там, видимо, мясной корм для медведей редкость.

Не конкурирует хищник с сурком и в растительных кормах: у него иной набор. Медведь старается захватить в пасть крупные куски стеблей или пучки мелочи, сурок же питается листочками, верхушками стебельков и лишь подстилку в жилых камерах организует из высохшего крупнотравья.

Не проявил интереса «наш» медведь и к табунку горных козлов, которые несколько суток держались у подножья скалы, что можно было выяснить по следам. Шум падающих камней подтвердил, что козлы убежали, зачуйв нас, хотя самих копытных мы не увидели. Следы медведя вывели на гребень. По нему тоже проложена тропа, хотя и слабо заметная. По тропе и двинулся медведь, обходя свои уголья.

Как-то, проживая уже несколько дней на полевой базе заповедника, я собрался на речку за водой. С пустым ведром дошёл до навеса – места привязи лошадей. Летом

лошадей обычно привязывают на длинный аркан вблизи строений – на ночной выпас. Лошадиный помёт на тропе и под навесом был не первой свежести. Да, простят меня читающие эти строки: интерес к помёту, к экскрементам животных у полевиков заповедника чисто профессиональный. Что скушал хищник – это неизменно окажется на выходе в системе-организме. Иногда таким образом информацией делятся и копытные, хотя у них кишечник длиннее, чем у хищных.

На тропе в десяти метрах от ближайшего строения нахально выставился для обозрения помёт медведя, как его называют лесники, - пастила. Обычный летний помёт (пардон, ещё раз пардон за подробности!): в лужице просматривались полупереваренные, а также целые ягоды алычи, кусочки и семена яблок.

Дотошные исследователи подсчитали, что для успешной нажировки (25% жира от веса всей туши) медведю средней комплекции необходимо пропустить через кишечник до 1000 кг корма.

Предыдущей ночью медведя привело к строениям чистое любопытство. Несмотря на поразительную лень, он постоянно проявляет своё любопытство: сходит с тропы, принохивается к дующему к нему ветерку, разбирается в свежих поломках деревьев, приглядывается к летящим птицам и насекомым. Поступающая информация используется для «текущих потребностей» и откладывается в памяти, идёт для общего понимания окружающего мира.

Медведь в конце лета совсем не похож на куклу – мишку из телевизионной сказки: нескончаемый понос происхождением от алычи, а к ней зверь питает слабость – сплошным слоем укрывает его «галифе». Камни, встречающиеся у него на пути, лоснятся от стойкой грязи, покрывающей его задние лапы.

У реки растёт яблоня. Как у всех растений, у неё есть имя – яблоня Сиверса. Не дождавшись полного созревания плодов, медведь забрался в крону, напился плодами, предварительно обломав сучья – побеги. Зверь обрывал лапами и пастью яблоки, а ветви подкладывал под себя для удобства сидения. Листья на обломанных ветвях быстро сохнут, но держатся цепко чуть ли не полгода и опадают под влиянием снегопадов лишь к весне.

Алыча не встречается в дальнем, Майдантальском участке заповедника, но там обильно плодоносит жимолость монетолистная. В экскрементах (опять помёт!) медведя сплошь «стеклянные» ягоды жимолости. К западу этот кустарник менее продуктивен, поэтому менее привлекателен для медведя. Так, в Башкызылсайском участке заповедника медведь не использует в пищу плоды этого вида жимолости. Что алычу, что яблоню медведи, а также барсуки и дикобразы выбирают со сладкими плодами.

В один из ясных дней мы, не спеша – путь долгий – добирались на лошадях к истокам Терексая. У тропы, пролегающей по участку сухой степи, доцветали душица, зизифора, шлемник, змееголовник, астрагал, остролодочник, шток – роза, гвоздика, василёк, коровяк. Большинство же трав и полукустарников либо высохло, либо находилось в последней стадии усыхания. У лиственных деревьев: яблони, магалебки, боярки, жимолости, рябины – активно проходит летний («бурый») листопад.

Передний всадник приостановился, беззвучно указал рукой вперёд – в сторону от тропы. В ста метрах «работал» крупный медведь: ухватив ствол жимолости, зверь резко

потянул на себя – жимолость сломалась. Зверь наклонился и пастью принялся обирать мелкие, прозрачные плоды. Не понравилось, мало! Медведь изменил свою тактику: двумя лапами, как гребёнкой, продрал веточку. «Давленку» из ягод и листьев он отправил в пасть, жадно облизал свои «руки». Прилежащие к самой земле веточки медведь как будто не заметил и направился к следующему кусту – дереву. Им оказалась магалебка, крона которой усеяна кисточками тёмно-красных ягод. Подмятый под правую «руку» ствол магалебки вывернулся и взлетел вверх. Медведь надавил двумя лапами, и деревцо сломалось, распласталось на земле. Медведь лёг на него и пастью, помогая себе лапами, выедал ягоды вместе с листьями и побегами. Конца этому удовольствию не было видно, и мы тронули лошадей. Во время еды-кормёжки, будь то падаль, рытьё корешков или, как здесь, добывая ягоды, зверь, случается, увлекается и перестаёт осматриваться, заботиться о безопасности. Мы тихо приблизились на тридцать пять – сорок метров. Медведь словно очнулся и с места, галопом понёсся в гору. Загремели стронутые камни, затрещали кусты, столбом поднялась пыль, отмечая путь зверя, проявившего завидную прыть. Прошли считанные мгновения, и роскошная, тёмно-бурая шуба исчезла за гребнем. Зверь даже не оглянулся. А, к примеру, лисица, убегая от человека, оглянется, спрячется за куст или постоит на гребне, чтобы определить степень грозящей ей опасности. По-видимому, медведь раньше был пуган. Мы от души посмеялись. Хотя зверь вёл себя в норме – он должен бояться человека, даже будучи жителем заповедника.

У медведей началась нажировка. Зверь набирает жир перед длительной зимней спячкой. В нашем регионе плоды деревьев и кустарников – наиболее калорийный продукт. При обильном урожае звери проявляют ненужную щепетильность, отдавая предпочтение сладким плодам.

Совхозные сенозаготовители уже вторую неделю выкашивали богатое разнотравье на пологих склонах. Сбирать сухое сено в копны помогали подростки. К дороге копны сволокивали волокушами на лошадиной тяге – так делалось всегда. На ночь лошадей привязывали вблизи становища. Одна из лошадей занемогла – такое тоже бывает: то ли болезнь приключилась, то ли перетрудилась в жаркий день, то ли от старости. Её освободили от работы. Не помогло: на вторую ночь лошадь сдохла. Приехавший директор совхоза устроил бригадире нагоняй за неприятие мер и за упущенную возможность прирезать животину и получить мясную продукцию. Когда организационная часть закончилась, бывшую лошадь с помощью живых лошадей отволокли за пятьдесят – шестьдесят метров в ближайшую ложину – сай. Естественно, труп через пару – тройку дней завонял. Ночью откуда-то появился медведь и, не раздумывая, принялся поглощать белковый корм, дефицит которого он постоянно ощущал. Начал, как обычно, с внутренностей, выглодал окорока, грудинку. На третий день многочисленные грифы, сипы, стервятники, вороны оставили хищнику-падальщику всего-ничего: плоть у позвоночника, у корней хвоста, что-то у шеи и на голове. Медведь и в следующие ночи приходил: авось, мяса прибавится. Но чуда не случилось, наоборот, кости передвинулись на несколько метров, мелкие же – вообще исчезли.

Что интересно, покосники, молодёжь после ужина час-другой распевали песни, горел костёр. Медведя это не смущало: он насыщался. В печатных работах утверждается, что медведь способен из сильных шумов различного происхождения выделить опасный

для него звук (шаги подкрадывающегося человека, шелест крыльев пернатых падальщиков, скрип уключин весельной лодки), даже, если этот сигнал слаб на фоне шума.

К середине августа от снежных остатков лавин, сходящих в конце зимы, остались куцые «хвостики». Тропа, пролегающая по склону, пересекала один из таких снежников. Его поверхность почернела от вытаявшего мусора: камни, грунт, ветошь прошлогодней травы, ветки – сучки кустарников и деревьев.

Мы ехали по тропе, на ней медведь оставил относительно свежий след. Взойдя на снежник, медведь полез вверх: что-то его заинтересовало. Оказывается, он набрёл на относительно чистое пятно снега и устроил на нём лёжку. Зверь постепенно сползал, лёжка вытягивалась, потому что и склон и снежник имели довольно крутой уклон. Медведю, видимо, надоело бороться с силой тяжести, и он начал кататься и вдоль и поперёк уклона на брюхе, на боках и даже на спине. Следы говорят, что снежные ванны были продолжительными – медведь блаженствовал. По рассказам, медведи иногда спят на снежнике, выбирая для этого углубления и ложбины. От облюбованной медведем снежной площадки следы вывели на борт лавинной ложбины. Снег сошёл месяц назад (если отмерить десять – пятнадцать метров от кромки тающего снежника), и травостой отличался зеленью, все растения были в цветущем состоянии. Трав, правда, мало, и все они относились к холодостойким влаголюбам: эти условия предлагал тающий рядом снежник. Сочной зеленью выделялись мята, котовник, ячмень, мятлик, кисличка лютик. Зелень пришлась не по вкусу мишке: видимо, в траве было мало калорий. Потоптавшись у борта снежника, зверь направился на склон с огрубевшей растительностью, и следу его затерялись среди зарослей герани, ветреницы, купальницы, тарана, ежи. Кроме герани и тарана, все травы на сухом склоне уже отцвели.

Потерялась племенная кобыла. Вчера была в табуне, сегодня нет. День, другой, третий – её всё нет. Табунщик заповедника Абдумалик пустился в розыски, объехал близкие места. К концу недели, взяв с собой спальный мешок и чайник, выехал в дальние, приграничные урочища.

Стоял полдень, солнце палило, слабый ветерок не охлаждал. Жара. Тем неожиданнее оказалась встреча диких зверей, которым в засуху «положено» днём скрываться в тени. На плоской скале стояла медведица, у задних её ног крутился небольшой, меньше овечки, сеголеток. Лошадь, одолевая очередной перегиб гребня, вынесла всадника чуть ли не в упор (каких-то двадцать метров) к медвежьей семейке и сама остановилась. Медведица воззрилась на подъехавших людей. Была она костлява, в грязном, клочкастом меху. Человек успел заметить вздыбившуюся на загривке шерсть, прижатые уши, оскаленную пасть. Что привело её на скалу, лежащую в окружении неприветливых осыпей – курумов?

Испуг от неожиданной встречи прошёл. Всадник тронул коня, пытаясь боком от зверя выскочить на гребень. Медведица глухо заворчала, громко рявкнула. Медвежонок заскулил, развернулся, чтобы «дать драпу», но всё-таки решил не покидать мать. Медведица, выворачивая передние лапы, принялась швырять камни, песок и прочую «мелочь», попадающую «под руку». Она просто пугала: камни не летели дальше пяти

метров. Скорее всего, она царапала землю, каменно-песчаный материал вылетал из-под когтей попутно.

Наконец, конь вытянул всадника на гребень. Он пришпорил коня и скрылся из глаз хищника. Лишь отъехав на сотню метров, Абдумалик осмелился найти подходящую точку обзора и осмотреть издали место происшествия. Медведица неторопливо двигалась по склону, детёныш клубком катился за ней. Постояв на месте минут пять, табунщик двинулся по своим делам в противоположную сторону.

Разбираясь с дневниками инспекторов охраны заповедника (с них серьёзно спрашивают за ведение документации), я обратил внимание на часто повторяющуюся несуразность. Наблюдатель встречает семейную группу из трёх (иногда четырёх) медведей. Сеголетков определить просто: по величине они меньше овечки. Двух других следует считать взрослыми. Дальше в записях гадание: набольший – это самец-папа, чуть поменьше – самка-мама. Начинаешь выяснять, почему принят такой расклад? Оказывается, половозрастной расклад взят, исходя из величины зверей. Конечно, полную уверенность в половых различиях можно установить, только отстрелив объекты наблюдения. А зачем? Биология медведя простая: медведь-самец в семье не живёт, но мать-медведица терпимо относится к прошлогодкам. Они-то и входят в группу на правах взрослых. В пословицу: «Двум медведям в берлоге не ужитья!» следует внести уточнение: «двум взрослым медведям». Только в период гона самка выискивает взрослых самцов («Чем крупнее самец, тем успешнее поиск!»), но зато отгоняет детёнышей: одного или двух сеголетков, сеголетка и прошлогодка.

Кстати, семей, включающих комплект детей: и сеголетка и прошлогодка,- может быть до половины от всех «детных» семей в границах заповедника (подтверждение – в дневниках) и несколько менее половины – на неорганизованной, хозяйственно используемой территории. Из этого следует, что часть самок приносит потомство ежегодно, но значительная часть участвует в гоне через два-три года – эти мамы ходят с одним (двумя) сеголетками.

- В чем моя ошибка? – вопрошал один инспектор. – Даже в сказках упоминается: медведи, папа с мамой и их сынок – медвежонок.

Ну, так это в сказках.

Как подмечено исследователями, у медведей при зрительном контакте друг с другом начисто отсутствует взаимопомощь, и это, несмотря на их относительно высокий интеллект. Один медведь попал в тросовую петлю, другой, слышав его вопли, убегает; одного мишку окружили и удерживают собаки, другой вскачь удаляется «от греха подальше». То же самое: волки окружили и кусают медведя, его же недавний попутчик отсиживается в скалах в ста метрах от места схватки. Конечно, из данного перечня исключается ситуация, когда мать-медведица защищает детёнышей. Более того, по рассказам, медведя, попавшего в тросовую петлю, съел более крупный его «собрат», предварительно расчленив и заквасив в земле части тела. Возможно, «напарник» расчленил уже мёртвое тело. Не исключен каннибализм взрослых самцов и яловых самок по отношению к медвежатам: тут уж, мамаша, не зевай!

Главное отличие тьяншанского белокоготного медведя от «сибирских» собратьев (оба относятся к одному виду) не в морфологии, величине-весе или по другим критериям. Главное – миролюбивый характер тьяншанского по отношению к человеку, к другим позвоночным животным, повышенная терпимость к другим медведям при встречах. Медведи нашего региона менее склонны проявлять хищничество в отношении к домашним животным. Случаи нападения медведей на скот и собак редки, приписываются обычно старым, больным особям, калекам. Отсюда и жертв человека относительно мало, в большинстве случаев они вызваны провоцирующим поведением последнего, в том числе и ранениями, полученными медведем за несколько месяцев до роковой встречи. Как установлено, хищники, медведи в их числе, если они не пуганы, воспринимают человека, как представителя животного мира. С этой точки зрения оценивают, как в каждом конкретном случае поступить: нападать, защищаться, убегать, не обращать внимания, исследовать. Любопытство присуще медведям. Участник события рассказал, что ночью у костра сумел отпугнуть пришедшего медведя-исследователя, подняв над головой тряпку - «простыню», тем самым, возвысив своё место в иерархии животных этой местности. Прямой взгляд, взгляд в упор медведи воспринимают как вызов, особенно при неожиданных встречах. Вступать с медведем в контрфронтацию – себе дороже. У медведя крайне запущенная эмоциональность: на его «физиономии» мало что отражается. Поэтому его действия: нападение, убегание, угроза - для человека порой выглядят «необоснованными», неожиданными.

Сентябрь

Конец сентября – время созревания и опадания плодов ореха. Орех – одна из поздно созревающих пород. Ранее созрели плоды у боярки, груши, яблони, алычи, шиповника, магалебки, кизильника, жимолости, клёна, рябины. Все они поставляют корм многочисленным зверям и зверюшкам, активно проводящим нажировку. К летнему, «бурому» листопаду добавился осенний с его яркими жёлтыми, оранжевыми красками. Закончилось цветение трав, лишь кое-где среди пожухлой ветоши прячутся блеклые, мелкие цветочки душицы и зизифоры, синеет астра, да упрямо торчат стебли шток-розы с одним – двумя крупными белыми цветками.

Заготовка кормов «впрок» идёт круглосуточно, но в ночное время кормёжка крупных зверей проходит интенсивнее, с шумом и треском обламываемых сучьев. С конца сентября может начаться разрешённая охота на кабанов.

С ружьём наизготовку я сижу у ствола огромного ореха в наплывающих сумерках (о, как это было давно, много, много лет назад!). Продуктивное для охоты время – на закате солнца. Ночью мушку не видно, прикреплённый к стволу фонарь мало помогает. Да и опасна для охотника ночная охота.

Закатное солнце коснулось лучами дальних гор, а на дне сая, заросшего лесом, уже темнеет. В сумерках тревожно кричат дрозды, с треском пролетит стайка юрков, заунывно гукнет вдали неясить. Лесную тишину стремительным скоком по засохшей листве нарушает туркестанская крыса. Шорох её особенно неуместен среди полной тишины леса.

И как обвал, как лавина ночной лес наполнился треском: это кабанье стадо пришло на кормёжку. Копытные ворошат листья, ковыряют рыльцами мягкую лесную почву, смачно, с хрустом поедают орехи, с шумом чешут бока о шершавые стволы деревьев.

Где-то в стороне, может быть, в соседней роще стоит непрерывный шум. По характеру шума я определил: медведь забрался на орешину, старается дотянуться до плодов. Некоторые сучья он ломает, другие изгибает до потери упругости. Орех: ядрышки, скорлупа, нередко зелёный околоплодник - непрерывным потоком идут в пасть зверя. Но ещё больше плодов хищник обрушивает наземь: в эту пору орех уже за гранью спелости, тронешь – плоды лишаются зелёных оков. До медведя это не доходит, и он продолжает сидеть в кроне дерева. Кабаны постепенно переместились под орешину с шумным зверем – сами они не в силах взбираться на деревья. При такой «технологии» кабаны обеспечены кормами вдосталь.

Довелось где-то прочесть, что, в отличие от медвежат, взрослый, тяжёлый медведь, избегая возможных падений и связанных с ними травм, на деревья не взлезает. Посему человек, имея определённые навыки, может спастись, если в поле зрения окажутся сосны, берёзы и прочие дендроны. Надо внести ясность: в нашем регионе медведь, не «задумываясь» о последствиях, пыжится взлезть на хилую жимолость, тридцатиметровую орешину, колючую боярку, на магалебку, простирающую свою крону над бурной рекой. Был ли им добыт когда-либо прячущийся в кроне дерева человек, об этом все источники информации умалчивают.

С точки зрения силовых упражнений медведя скала - это почти что дерево. Медведь – отличный скалолаз, к этому можно приспособиться, проживая в безлесных горах. Скалы как будто пусты, тем не менее, медведя притягивают: здесь больше луков, других растений – крестоцветных, гвоздичных.

Шум продолжался уже несколько часов. Я встал, чтобы размять ноги. Треснул подо мной гнилой сучок, ближние звери – за двадцать – тридцать метров - насторожились, но через десяток – другой секунд все опять зашмыгали, зачавкали, затопали. Всем надо поспешать, пора обилия ореха короткая, зима – длинная-длинная.

Я тронулся вниз, домой. И хотя охота, надо признать, не удалась, на душе у меня было спокойно от ночной встречи с животными.

Октябрь

Следы на тропе подсказывали, что медведь прошёл своей обычной, размеренной «походкой», возможно, день назад. Я ехал по тропе, временами бросая взгляд на следы хищника. В ложбинке у крутого поворота медвежьих следы «ушли» в сторону: что-то заинтересовало зверя. Низкая трава вся истоптана. Я остановился, слез с лошади. Приглядываясь, пытался найти следы, «прочелночил» участок. Так и есть: под развесистым клёном обнаружился труп кабанёнка-сеголетка. Он был, что называется, тёпленький, то есть погиб всего несколько часов назад. Погиб от чесотки. Именно из-за неё кабанёнок выглядел как небольшой лев: почти весь оголённый, только «грива» состояла из клочков шерсти. Смотрелся он донельзя непрезентабельно: кожа да кости.

Чесотка нередка в нашем регионе среди кабанов и горных козлов. «Излечения», видимо, не происходит, болезнь может гнездиться на одной особи месяцами и даже

годами, но исход её – гибель «хозяина», позвоночного животного. Молодые особи гибнут в течение трёх – четырёх месяцев. Видимо, кабанёнок ослаб, долго мучился, перед гибелью не мог покинуть своего убежища под клёном. Медведь наткнулся на заманчивую для него приманку, ещё живую, но почему-то не решился задавить «доходягу»: видимо, у него раньше были неприятные контакты с кабаном-секачом. Несомненно, он в будущем обязательно завернёт к своей «добыче», превратившейся в труп и издающей столь приятные для медвежьего обоняния запахи. Чесотка для него – не препятствие – был бы мясной корм.

Возбудители чесотки у горного козла, кабана и (пардон!) человека разные. А вот трихинилёзом заражаются (как это явствует из книг) и кабаны, и медведи, а через мясо – и люди.

Некогда, несколько лет назад кормовая ситуация для медведя сложилась неудачно. Слабый урожай плодов алычи и яблони – основных нажировочных кормов в Чаткальском заповеднике – привёл к тому, что осенью звери переключились на несвойственные и случайные корма.

Я с напарником ехал тропой. Мой жеребец под седлом то и дело принюхивался к каждой кучке конского помёта, оказавшегося на тропе. Это понятно: лошади, особенно жеребцы, таким попутным способом маркируют свои «владения», свои участки. По двум кучам конь «скользнул взглядом», не удостоил их своим вниманием и пошёл дальше. Я остановил коня, оглянулся: помёт оказался вовсе не лошадиным, а медвежьим. Как-то странно, непривычно было видеть остатки травы, прошедшие через кишечник зверя глубокой осенью: ведь трава служит пищей хищнику весной и в начале лета. Накопив достаточно жира в предыдущие два – три месяца, медведи к концу октября обычно более разборчивы в выборе корма, аппетит у них снижается. Но в годы, когда урожай кормов низок, выбор их мал, и медведю приходится довольствоваться несвойственными кормами.

Переpravляясь через речку, мы обратили внимание, что заросли датиски, или конопляника у самого уреза воды буквально разгромлены. Конечно, это медвежья «работа», именно медведь отличается вопиющей бесхозяйственностью: к чему не коснутся его мощные лапы и крепкие зубы – всё то изломано, растерзано. Я где-то получил информацию, что медведь пользуется конопляником только в одном случае и то не в качестве корма. Перед залеганием в берлогу мишка очищает кишечник с помощью этой самой травки, обладающей выраженным слабительным свойством. Конопляник нашел применение в фармакологии, как рвотное средство при лечении алкоголизма (оборони, господи!). Медведю, видимо, припёрло, что он начал кормиться такой неподходящей травой.

До полевой базы заповедника оставалось полтора – два километра. Лошади бойко двигались по тропе в предвкушении отдыха. Первые осенние дожди, пока кратковременные, уложили ковром высохшую траву. В кронах деревьев и кустарников преобладает жёлтый цвет. Под деревьями густо насыпано: яблоки, алыча, боярка. Лишь клён и шиповник цепко держат свои плоды, сохраняя их до середины – конца зимы.

Сквозь ветошь пробились зелёные всходы злаков, осок, шалфея, тысячелистника, черноголовника. Эти травы, пребывая в состоянии осенней вегетации, утилизируют тепло и влагу в благоприятном сочетании и, тем самым, наращивают зелёную массу.

Инженер-фенолог заповедника, мой спутник, приостановился, поднёс к глазам бинокль:

- Два дня назад под скалой в земле ковырялся небольшой медведь. Отсюда не больше ста метров. Заедем, посмотрим.

Мы свернули с тропы к явному неудовольствию наших лошадей, сразу сбавивших скорость.

Вход в нору был с расширением. Мелкозём рыхлым бугром закрывал часть отверстия. Чуть в стороне начиналась тропа, на ней ясно проступали следы. По величине они были средние, так что инженер-фенолог не ошибся в оценке медведя по размерам туловища. Два солидных булыжника застряли в кустарнике. Их выворотил из норы – будущей берлоги медведь-землекоп и пустил под гору. Расширить нору до размеров камеры-берлоги зверю, несмотря на его недюжинную силушку, не удалось: мешали подходящие сверху-сбоку не то скалы, не то крупные камни. Медведь явно не переживал, поскольку и «берлога» и вся копательная работа были, несомненно, тренировочными. Сюда он больше не вернётся. В ноябре, переместившись в высокогорье, зверь оборудует или найдёт настоящую берлогу из числа прошлых годов.

-А может, здесь «хозяин» заляжет на зиму? Придем, поохотимся, здесь близко!- высказался фенолог с усмешкой. Зверь, ворочая увесистые камни, по-видимому, тоже обладал своеобразным, «медвежьим» юмором.

Ноябрь

-Ворон много на арче: наверное, поживу нашли, остатки какого-то зверя. - Лесник указал на склон, покрытый кустарником и редкой арчей, рассечённый скалами. Мы возвращались из верховий Ташкескена с учётных работ.

Оставив лошадей у тропы, проложенной по пойме, мы полезли вверх по крутому склону. В двухстах метрах от тропы, на полянке со слабым уклоном обнаружили следы схватки. Измятая трава-ветошь, поломанные кусты, истоптанные обнажения мелкозёма говорили о том, что здесь пиновала стая волков.

-Смотри-ка, волки медведя одолели! – Лесник позвал меня к подножью скалы. Сюда под действием тяжести и волчьими усилиями закатился костяк – позвоночный столб с прикреплёнными к нему несколькими рёбрами. Остальные крупные кости жертвы хищники, видимо, растащили по окрестностям. Если судить по становому хребту, медведь был молодой – неполных три (может, четыре) года. Волков было много – более четырёх – пяти. Хищники выследили медведя за работой: он рыл берлогу в корнях арчи, точнее сказать, – только что приступил к оборудованию.

Схватка была длительной, о чём говорили пятна обильной крови, встречающиеся повсюду на поляне. Волки, используя численное преимущество, а главное – напор, одолели медведя. Ничего удивительного: волки, если стая многочисленная, убивают кабанов – секачей, ослабленных гоном, окружают в скалах крупных горных козлов. Из

печати известно, что волки (а их было шесть в том случае), застав за трапезой молодого медведя, убили его и, в свою очередь, уже он был использован в качестве корма.

Тем не менее, врагов у медведя практически нет. По рассказам и из печати следует, что к врагам его можно отнести снежного барса и кабана-секача. Впрочем, как тот, так и другой, в схватке с медведем могут оказаться то победителем, то жертвой. Не так уж часты встречи этих зверей на большей части ареала медведя.

Численность медведя на участках Чаткальского заповедника растёт медленно. Можно с уверенностью сказать, что она много лет удерживается стабильно около уровня, который нельзя признать высоким и даже оптимальным для нынешних условий. С большой долей уверенности можно высказаться относительно сдерживающих факторов: браконьерство на сопредельной территории – на путях сезонных миграций, болезни, биологические причины – низкая воспроизводительная способность, а также и такая экзотическая причина, как замерзание в берлоге, устроенной в альпийском поясе.

Первый снег, первый снежный покров – лучшее время для учётных работ, выявляющих численность животных. На снежной пороше чётко отпечатываются следы кормящихся и передвигающихся животных. Самих животных легче «схватывать» в бинокль на белом фоне заснеженных склонов.

Поздние осенние учёты редко выявляли полную картину численности медведей в заповеднике: одни звери залегли в берлоги, другие находятся на пути к «зимним квартирам» в высокогорье, а, как считается, у самых вершин располагается большинство берлог. Тем неожиданнее для меня была встреча медвежьего следа, пересёкшего тропу.

Я направлялся к невысокой вершинке, чтобы с неё и с помощью бинокля обозреть окрестные склоны и долины. След на снегу принадлежал сеголетку. Я прочесал вдоль и поперёк южный, освещённый склон и скалы на гребне, но следа взрослого зверя, мамыши сеголетка, нигде не обнаружил. Зато по ходу молодого медведя встретились изломы кустарников со съедобными и несъедобными плодами, покопки. Можно было предположить, что детёныш лишился матери (гибель от болезни, от браконьерской пули за пределами заповедника) и совсем недавно. Сама мать избавилась от дитяти? Нет, такого быть не может, слишком велика материнская любовь у этого вида животных. Как правило, «детная» медведица залегает в берлогу со своим десятимесячным отпрыском. Лишь на период гона самка удаляет тем или иным способом, вплоть до «рукоприкладства», своего детёныша, но придёт время, и они вновь объединяются в одну семью. Бывает, что медведица и в первый, и во второй год «отказывается» от хлопотных удовольствий гона, и такой отказ мотивируется торможением соответствующих инстинктов.

Медвежонок, оказавшийся в переломное время своей жизни в одиночестве, «нормальную» берлогу оборудовать себе не сможет, будет довольствоваться временными зимними убежищами. Наблюдениями, а также из печати не подтверждается излюбленный сюжет из сказок и досужных рассказов, когда медвежонок-сирота берётся под патронаж взрослой, «неродной» медведицей и, тем более, самцом-медведем. Как взаимопомощь, так и простая помощь среди медвежьего населения исключаются. Множество причин: голод, холод для тощего организма, глубокоснежье, волчья напасть,

стрессы от испуга при «страшных» встречах, излишнее любопытство при возможных контактах с человеком – всё это может оборвать только-только начавшуюся жизнь дикого зверя.

Поздней осенью погода изменчива: сегодня ясно, завтра – дождь или снег. Дальние, многодневные поездки малопривлекательны, хотя и необходимы. Охрана заповедной территории, учёты численности животных – эти работы не отменяются ни глубокой осенью, ни зимой.

В один из дней в пору глубокой осени наша группа добралась в Майдантальский участок заповедника для проведения учётных работ. Оголились лиственные деревья, опустели от птиц рощи. На яблоне цепко держатся промёрзшие яблоки. В пойме Серкелисая на всех яблонях старшего возраста «наседы» - это ещё в августе медведь заламывал ветки, добывая пропитание. Листья на ветвях медвежьего «гнезда» прокалились летом, побурели и будут держаться до конца зимы. Тепло ушло. Но глаз по-прежнему радует богатство и контрастность красок. Бело-коричневые рощи берёз по берегам маловодных в эту пору рек смыкаются с темно-зелёными, покрытыми мхом скалами. На бурых склонах пятнами темнеет арча. И снег; затенённые склоны больше месяца как укрыты ранним снегом, снег на вершинах прикрыт плотными белёсыми облаками.

Пронеслась волна тумана, и снова светит солнце. В короткие промежутки времени, в «окнах» осматриваем в бинокли ближние и дальние склоны, заносим в карточки всё увиденное.

До нас донеслось приглушенное расстоянием рывканье. У скалы в ста метрах стоит крупный медведь. Недалеко от него поднял щетину на загривке и напружинил тело кабан-секач. Видимо, медведь направлялся на «зимнюю квартиру» - высокогорную берлогу да встретил кабана, взвинченного гоном и готового разнести любую преграду. Хищник рывкнул («Меня не тронь!»), но был настроен мирно – отсюда и вид какой-то робкий. В другое время эти звери мирно расходятся, но сейчас медведь поспешил ретироваться, а кабан, не разбирая дороги, с видом победителя проскочил мимо него.